

Алла Дымовская

Вольер (сборник)

Алла ДЫМОВСКАЯ
Вольтер (сборник)

«Автор»

2011

Дымовская А.

Вольтер (сборник) / А. Дымовская — «Автор», 2011

ISBN 978-5-17-075326-0

Грядет буря, грядет революция! Вслед за буржуазной и пролетарской пришел черед революции интеллектуалов! Самая гонимая, самая беспомощная часть человечества отважилась, наконец, взять власть в свои руки. Царство разума на земле или милосердие к побежденным? Но овцы не могут пасти волков. Поэтому без крепких решеток не обойтись, дабы чудовище не вырвалось на свободу. Рай и ад разделились в реальном мире, и низ поменялся местами с верхом. В сборник вошли роман «Вольтер» и рассказ «Мы, народ...».

ISBN 978-5-17-075326-0

© Дымовская А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Вольтер	5
Часть первая	6
Поселок «Яблочный чиж»	6
Фавн и бродяга	13
Праздник блаженного послушания	21
Игнатий Христофорович, Гортензий и Амалия Павловна	28
Голая правда и ничего кроме	36
Между Собакой и Волком	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алла Дымовская Вольтер (сборник)

Вольтер

«Первое: вступление человечества на путь эволюции высшего порядка означает практическое превращение Гомо Сапиенса в Гомо Эгрегуса – Человека Превосходного.

Второе: скорее всего, далеко не каждый Гомо Сапиенс пригоден для такого превращения.

Резюме:

- человечество будет разделено на две неравные части;
- человечество будет разделено на две неравные части по установленному самим человечеством параметру;
- человечество будет разделено на две неравные части по установленному самим человечеством параметру, причем меньшая часть форсировано и навсегда обгонит большую, которая утратит право называться таковым.

Процесс подобного разделения суть постоянен и бесконечен».

Аллюзия на «Меморандум Бромберга».

(А. и Б. Стругацкие. «Волны гасят ветер»)

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОД В МАССЕ СВОЕЙ ТАК ЖЕ
ПРИСПОСОБЛЕН ДУМАТЬ, КАК И ЛЕТАТЬ.**

Джонатан Свифт

(Это не эпиграф, а декларативное заявление)

Часть первая Homo Ignoramus

«Я вам покажу!» (а вот это эпиграф)

Поселок «Яблочный чиж»

Крапива росла у новой границы. Много крапивы. Не потому, что нельзя было приближаться и кто-то посадил ее там специально, а просто крапива там росла. Впрочем, приближаться к любой границе, новой или старой, тоже запрещалось, так было всегда, а крапива выросла позже, сама по себе. Наверное, оттого, что вдоль этой границы никто не ходил. Даже «железные дровосеки», что вовсе были не из железа, а будто бы из мутного стекла, другое название Тим не знал. Но как выглядит железо, очень даже представлял – это такие холодные, блестящие штуковины, которые ни в коем случае нельзя лизать языком на морозе, они бывают полегче и потяжелее, из них сделано в поселке много чего полезного, они разные по цвету и на ощупь, хотя называются одинаково.

Тим стоял у границы не потому, что собирался перебраться на другую сторону. Это было совершенно невозможно, глупо и пытаться, да и зачем? Тим стоял у границы потому, что здесь он назначил свидание Анике – она придет, когда солнце начнет падать за холм, – и еще потому, что у него за душой имелась тайна, о которой он думал, когда никого не случалось поблизости. Вот как сейчас. Скорее всего, в родном своем поселке только у него одного за душой имелась тайна. А больше так никто не говорил. Потому что обычно за душой имелось совсем другое: первая победа на состязании рождественского распития елочной шипучки, или главный приз за лучший летний каравай в день Короткой Ночи, или самая нарядная свадьба Старшего Сына. Но чтобы у кого-то в поселке «Яблочный чиж» за душой имелась тайна, такого Тим припомнить не мог. Потому что тайна – это всегда страшно, оттого люди в поселке больше всего на свете не терпели страхов и тайн. Ведь тайна совсем не то же самое, что и секрет. Тим понимал разницу. Может быть, только он один и понимал. Секрет, это когда на время ты хочешь спрятать от кого-то приятный сюрприз, чтобы вышло веселее, или, наоборот, сломанную случайно папину курительную трубку, чтобы отложить нагоняй на потом, когда папе приготовят новую и ему будет лень сердиться по-настоящему.

Тайна же – это нечто иное. Близкое к запретному. Конечно, иметь тайны в поселке никому не возбранялось, но жители «Яблочного чижа», постоянные и пришлые по обмену, не поощряли тайн. Нехорошо, и все тут. Знать то, чего другие знать не могут, и никогда не сказать об этом вслух. Ведь так можно дойти до чего угодно. Даже до нарушения трех главных заветов Единого Закона, данных свыше Радетелями, об этом и подумать ужасно. Никого из Радетелей лично Тим никогда и в глаза не видел, но догадывался, что тайну, имеющуюся за его душой, они бы не одобрили. Вообще в поселке только два человека и только однажды видели здешнего Радетеля, которому принадлежал и сам «Яблочный чиж», и холм, за который падало солнце, и, по слухам, целое озеро, находившееся в чужом селении где-то далеко за холмом. В это озеро, наверное, и падало солнце, а тогда получалось, что их Радетель был еще и хозяином местного солнца, а значит, не последним из верховных заступников. Поэтому считалось, что жить в его поселке большая честь.

До свидания с Аникой оставалось довольно времени – желтый час и примерно половинка синего. Так что Тим пока мог свободно думать о страшной тайне за своей душой. Если бы он, само собой, пришел к новой границе затем лишь, чтобы думать о тайне. Но пришел он не совсем за этим. Думать о тайне можно было где угодно – в купальне, на семейной лужайке,

даже в Зале Картин, общем для всех. Все равно никто из жителей «Яблочного чижа» не сумел бы подглядеть, что творится в его голове. Тим это выяснил наверняка. Даже его отец не имел об этом понятия. Хотя часто находился ближе всех к Тиму – это потому, что Тим и его отец были семья.

Тим нерешительно приблизился к буйным крапивным зарослям. Заслониться от жгучих листьев, готовых обстрекать его плохо защищенное тело, было нечем, оставалось одно – отважиться идти напролом. Тим слыл в поселке весьма сообразительным малым, несмотря на то, что совсем недавно достиг возраста первой зрелости – об этом сообщило послание Радетеля, адресованное ему лично. На обложке красовалось его, Тима, улыбающееся лицо, а внутри – розовое дерево на белоснежном фоне. Когда придет другое послание – зеленое дерево на золотом фоне, Тим сможет жениться. И хорошо, если бы ему позволили жениться на Анике.

Именно потому, что Тим слыл в поселке весьма сообразительным малым, он оставил мысль взять с собой в поход к новой границе полный защитный плащ или, на худой конец, одеяло «мамин уют» из собственной спальни. Во избежание лишних расспросов. Куда он идет в полном защитном плаще в летний солнечный день и зачем тащит с собой по пыльной траве чистое домашнее одеяло? А так никто на Тима не обратил внимания, может, парень отправился ловить стрекоз на открытый берег речки или собирать костянику в поселковой роще.

Но Тиму, которого вела за собой тайна души, нужно было в крапиву. И не просто в крапиву, а к самой границе – к безобидному на первый взгляд ярко-красному ряду лучистых, тонких столбов. Пройти через них еще никому никогда не удавалось, правда, и смельчаков находилось мало. Хотя между лучистыми столбами была голая пустота. Однако как бы ты ни бросался вперед, с разбегу или одним резким прыжком, тебя всегда отталкивала назад невидимая преграда. При этом с головы до пят тебя пронзала внезапная, резкая боль и тело немело на некоторое время. Тим это знал, потому что пробовал. И пробовал не раз. Глубокой ночью на старой границе, где не росло никакой крапивы. Пробовал, когда в поселке спали, и в окнах не было видно ни единого огонька, и даже уличные световые шары уплывали в свои подземные норы, лишь равнодушные, ярко-красные столбы лучились у запретного края.

На сей раз Тим не собирался вступать в единоборство с коварной пустотой. Его интересовал вовсе не пограничный часток и уж, конечно, не крапива. А то, что находилось за ней, но еще по эту сторону ограждения, позабытое или оставленное нарочно, но оно было нужно Тиму. Теперь превыше всего. Он вздохнул, стиснул зубы и полез в крапиву, прикрывая лицо одной рукой, а другой стараясь по возможности расчистить себе путь. Крапивные кусты жгли его немилосердно, но Тим был упрям. Скоро он достиг ярко-красного ряда лучистых столбов.

Легко сказать, достиг. На самом деле он как был, так и остался по уши в проклятой крапиве, которая уже растеряла злобную жгучесть, – и то, все крошечные жала давно впились в его полуобнаженное тело, и теперь листочки висели вялые и скромно смущенные. Словно бы говорили – если ты так, то уж ладно, тогда и мы не станем больше вредничать. Но видел Тим хорошо даже через крапивный буерак. И видел не в первый раз. И не во второй – с Колокольни Времени он успел разглядеть эту штуку – вечер за вечером, когда сгущались сумерки, в крапиве неровным светом начинало мерцать то, что имело прямое отношение к его тайне. Совсем недолго, но достаточно, чтобы Тим мог понять, что ЭТО такое. Он нашел случайно, хотя ЭТО было там давно, наверное, еще до того, как заросла приграничная полоса.

Теперь приближался синий час, когда томное солнце не успело до конца занырнуть в свое озеро, но и устало скользить по небосводу. Когда разноцветные, сияющие фонарики уже плавали в воздухе на поселковых улочках, покинув убежища под землей, но еще не светили в полную силу. Это и были заветные сумерки. Время смутных форм и неопределенной тоски, время крадущейся по пятам природы, тревожно напоминавшей о себе. В этот час казалось, будто и нет на свете никаких заступников-Радетелей, а Тим один-одинешенек и обречен на заклятие этому миру расплывчатой серости без красок и без теней. В поселке как раз теперь обычно

наступала тишина, тягучая и неподвижная. Словно бы люди замирали на месте, как испорченные старые игрушки, прислушивались и ждали с отвращением: когда же кончится невыносимо синий час, и зажгутся разноцветные фонари, и можно будет жить дальше. «Яблочный чиж» не любил сумерки, «Яблочный чиж» не любил тех, кто любил сумерки. Правда, в поселке и не было никого, кто бы любил сумерки.

Но вот серая мгла сделалась плотней, сгустилась в туманную дымку, крапива вокруг Тима уже перестала зеленеть и превратилась в бесформенную и безразмерную чашу. И тогда он увидел прямо перед собой дрожащую и ровную картинку, повисшую в пустоте. Каждый знак был одинакового голубоватого цвета, одинакового размера с предыдущим, хотя и отличным по существу. Оставалось лишь сложить все вместе и посмотреть, что получится. Сердце в груди трепетало, будто бабочка-капустница, зажатая в кулак, кожа горела огнем и вздувалась ядовитыми пузырями, отчаянно хотелось чесаться и выть. Но Тим пересилил себя. Сейчас это неважно, это пустяки – страх и крапивные ожоги, и даже свидание, и Аника. Сейчас важно только лишь эта ровная картинка и знаки на ней. Тим беззвучно шевелил губами, произнося каждый отдельный знак, одновременно запоминая, чтобы потом составить вместе их звучание и посмотреть, что получится. В, Ы, Х, О, Д. Знаки на картинке кончились. В сознании Тима вспыхнуло слово, одно-единственное – ВЫХОД. Получилось.

Он знал: то, что он сделал, называется «читать». А если бы он нарисовал эти знаки сам, тогда он выполнил бы другое действие, которое называется «писать». Это и была его великая тайна души, о которой не знал никто в поселке «Яблочный чиж». Да и о словах «читать» и «писать» ни один из жителей не имел ни малейшего понятия. В поселке «Яблочный чиж» их не существовало ни в повседневном обиходе, ни по большим праздникам.

Тиму стало очень страшно. Сразу вдруг и очень, очень страшно. Что такое выход, он, ясное дело, знал. Выход имелся в каждом доме, так же, как и вход – так попросту называли дверь. А еще иногда сосед Март кричал с крылечка своему соседу Яго:

– Твой кот продул спор! Только пара мышей!.. А ты говорил, что три! – И сосед Март поочередно поднимал сначала два пальца, потом, немного подумав, показывал еще один. – Так что, с тебя причитается! Да, на беду, моя женка глазееет в окно. Какой бы мне найти выход?

– А выход тебе надо найти такой, – отвечал сосед Яго. – Ступай за уборочный сарай, будто за «дровосеком». Уж я после тихонько подойду.

После чего сосед Яго получал на задах дворовых построек три увесистых подзатыльника, и потом оба – проигравший и угадавший садились на траву и распивали бутылочку имбирной шипучки украдкой от бдительного ока Мартовой женки.

Но это были совсем не те выходы, о которых говорилось в картинке на приграничном столбе. У Тима перехватило дыхание, едва лишь он осознал, пусть и не сразу, о каком именно ВЫХОДЕ и откуда идет речь. Ему захотелось бежать как можно дальше, хоть бы и через целое крапивное поле, вдруг мудрое око Радетеля уже засекло его – говорят, Радетели видят всех, все и каждого в отдельности. И что ему, Тиму, теперь будет за это? И за что за это? Ведь он пока ничего не сделал плохого. Но вместо того, чтобы мчать своего хозяина без оглядки прочь, ноги его предательски приросли к месту, а проказница-рука обманым образом, помимо сознания Тима, вдруг потянулась к картинке. Потная робкая ладонь погрузилась в плавающие знаки. И, о чудо! Никакой боли не приключилось, ничто не оттолкнуло Тима прочь. Картинка вспыхнула, перестала дрожать. И вдруг погасла. Чтобы тут же засветиться вновь призрачным, белым светом. Но знаки на ней нынче были другие. Тим снова принялся беззвучно шевелить губами. И-Н-С-Т... ТР-Р-Р... С-Т-Р... кругом уже стояла полная темень, но знаки и не думали гаснуть или исчезать. После долгих усилий Тиму, наконец, удалось прочитать, то бишь с великим трудом сложить буквы в длинное и непонятное слово ИНСТРУКЦИЯ. Что бы это значило? Он представления не имел. Может, спросить в поселке? Ага, еще чего! Тут же начнут совать носы: откуда слово и где он его слышал. А как узнают, что Тим торчал битый синий час у гра-

ницы, так неприятностей не оберешься. И от отца влетит. Наказать-то не накажет, он добрый, но ругаться будет до самого Рождества Мира. Уж о крапивных походах тогда можно навсегда забыть. Так что же делать?

Раздумья Тима прервал смешливый и тихий окрик:

– Эй, ты где? Хи-хи! – а потом: – Ой, жжется! Черт! Ох, не хорошо так говорить. Тим, где ты? – Это была Аника.

Тим, стараясь не слишком шуметь, полез вон из крапивы. Кожа зудела нестерпимо, коварные листья жалили, будто в отместку, он теперь, наверное, раздулся подкожной жабой от всех этих волдырей. Но ничего. У границы всегда темно. Да и зачем тут фонари? Не для чего здесь светить и шляться тоже некому. Нет такой надобности. Даже и свидания обычно парни назначают девочкам у реки, где нарядные, с узорами, скамейки и аккуратные мостки для ныряния. Один он, олух этакий, завлек Анику в опасное и дурной славы место. Но вроде бы Аника не сильно злилась на него.

– Не шуми. Здесь я, – угрюмо шмыгнув носом, проворчал Тим. Не потому, что не рад был видеть Анику – он ее и не различал толком в темноте. Все из-за окаянной крапивной чесотки, какое уж тут хорошее настроение! – Пропорил Фавну, что просижу в кустах до темноты. Вот и пришлось.

Тим солгал легко и без запинки, хотя вранье ему обычно удавалось плохо. Но может, это оттого, что прежде никогда и не случалось серьезного повода лгать. Сказал про Фавна, и вдруг его осенило. А что если спросить у старика? Что, если он знает это странное слово ИНСТРУКЦИЯ? Кажется, так. Кажется, Тим запомнил правильно.

– Глупый спор. Зачем он нужен? – недовольно хмыкнула Аника.

– Затем, чтобы проверить, могу ли я терпеть боль! – гордо выпалил Тим, и даже не понял, что он произнес и как необычно это все прозвучало.

– Терпеть боль? А зачем терпеть боль? – по выражению, с каким она спросила, было ясно, что девушка удивлена и даже очень. – Какой человек станет терпеть боль?

– Ну, я не знаю. Никакой, наверное. Мне было интересно, – продолжал с похвальбой лгать Тим. А про себя в то же время думал: «Правда, какая польза в том, чтобы терпеть боль?»

И ответ пришел: «Чтобы знать, могу или не могу. А зачем? Просто, чтобы знать». Хотя в крапиву он полез совсем не за этим знанием. Но Тим понял вдруг, что знание это важное, и никто в поселке «Яблочный чиж» никогда еще не задавался подобным вопросом и не искал ответ.

– Всегда у Фавна на уме одни глупости, – Аника опять хихикнула. – Никчемный старик, этот Фавн. Даже имя у него никчемное. Ну кого из людей так зовут? И вообще, он не наш. Хотя, конечно, пускай живет. Фавн, он иногда забавный. Только мозги набекрень. Но ты не слушай его и не лезь больше в крапиву.

– Не буду, – согласился с ней Тим и вздохнул. Кожа горела и зудела, Тим еле сдерживался, чтобы не разодрать болячки ногтями. Теперь надо бы сходить в Лечебницу, пусть «колдун» смажет его какой ни на есть мазью или даст противоядие от чесотки. Но тут же он отказался от этой мысли. А в самом деле, сможет ли он, Тим, терпеть боль? Он сказал Анике: – Знаешь что, пойдем-ка отсюда. Нечего торчать у границы, еще от старших влетит, если поймают.

– Брось, ни от кого не влетит. Делать больше нечего, как нас здесь ловить, – Аника совсем развеселилась и побежала вдоль границы у самой кромки крапивных зарослей дальше, дальше, и все время смеялась.

Она вообще любила шалить, а Тим любил ее за то, что она любила шалить. И не только за это. Аника была красивая. Лучше всех в поселке «Яблочный чиж», да и в других, наверное, тоже. Так не бывает, чтобы на свете жили сразу две самые замечательные девушки, оттого, что не может так быть. Значит, Аника – одна-единственная. Нежная и светлая, и волосы, и лицо. Будто... будто... Тим впервые в жизни искал сравнения и не находил. Поэтому тоже побе-

жал следом вдоль края зарослей. И пока бежал, нашел. Она светлая, будто белая сверкающая луна – ничейная бесприютная бродяга, которая с улыбкой выглядывает из ночных облаков. И волосы, как солнечный огонь, разве что на них можно смотреть, а на солнечный огонь – нет. Но самое чудесное – глаза Аники, такие голубые и прозрачные, будто тихое небо рано поутру, или как то самое заветное слово, мерцавшее загадочно сквозь крапивные кусты у границы... Тим, конечно, никоим образом не мог знать, что повторяет про себя банальнейшие сравнения влюбленных начинающих поэтов всех веков. Не мог знать, потому что в поселке «Яблочный чиж» не было ни одного поэта, и даже слова такого не было. И уж тем более никаких сравнений, ни банальных, ни изысканных. Но с чего-то пришлось начинать, и он начал. И почувствовал себя чудесно. Вот только волдыри. Как и всем поэтам на свете, ему помешала обыденная проза жизни. Но главное, первый шаг был сделан. И Тим ведать не ведал, что даже первый шаг по этой дороге никогда не позволит ему повернуть назад. Он догнал Анику, схватил ее за тонкую, чуть влажную руку:

– Погоди. Постой. Побежали лучше на речку. Я чешусь весь – уж очень злая эта крапива, – жалобно попросил он подругу.

– Ах ты, бедняжка, – Аника пожалела его. Голос девушки звучал неровно – она дышала прерывисто от быстрого бега и захватывающего ощущения уже сотворенной новой шалости. – Я тоже хочу на речку. На речку! На речку! – Аника закружилась на месте, и Тиму пришлось кружиться вместе с ней.

На реке плескалось несколько парочек, и еще одна сидела в обнимку на скамейке. Никто не обращал ни на кого внимания – неписаное правило: делай что хочешь, только другим не мешай. Тим скинул на бегу разношенные сандалии, резво проскакал по мосткам – миг, и он уже уверенно рассекал воду, словно хитрая рыба голавль. Ему сразу полегчало, прохладная вода ласкала обожженную лютой крапивой кожу, лучше всякого снадобья врачевала ноющие мелкие укусы-пузыри. Короткие штаны его намокли, плавно и упруго сдавили ноги и бедра, по телу пробежало приятное покалывание, мышцы стали сокращаться сильнее. Тим двигался в воде совсем быстро – чудное дело, эти штаны. Без них далеко и скоро не заплывешь. Однажды еще маленьким мальчиком он спросил у отца: как устроены его летние штанишки и почему в них удобнее плавать, чем без них? Отец немного удивился, но решил все же ответить сыну-несмышленишу, ответить раз и навсегда:

– Потому, что так захотели Радетели. Захотели и сделали. А как, не наше это дело. На то они и Радетели, чтоб у них голова болела.

А Тим немного подумал и спросил:

– Разве у Радетелей может болеть голова?

Отец тогда очень рассердился, даже отвесил Тиму легкий подзатыльник, но после все-таки снизошел до объяснения:

– Конечно, не может! Разве может болеть что-то у солнца или у земли?

– Значит, Радетели, они как солнце или земля? – не унимался все равно Тим.

И тогда отец произнес очень медленно, с чувством собственного превосходства старшего над младшим:

– Что ты, малыш. Они гораздо главнее. И сильнее. Они самые важные боги и потому могут делать что хотят. А солнце и земля не могут. Солнце – оно разве ходит по небу, от одной воды до другой. И земля может всего-навсего лежать, чтобы мы жили на ней. Вот Радетель, тот да! Ежели пожелает, возьмет и перевернет ее вверх тормашками.

– Как масленичный блин в тарелке? – засмеялся маленький Тим.

– Вроде того. Только ни один Радетель такого не сделает, пока мы будем хорошо себя вести. Соблюдать Единый Закон и уважать друг друга, – наставительно произнес отец.

На том давний тот разговор меж ними и кончился. И надо сказать, что Тима он вполне удовлетворил. Тогда. Не теперь. Он плыл и думал: «А в самом деле, как устроены мои шта-

нишки? И почему никто в поселке не может самостоятельно сшить такие же?» Тим в последнее время вообще много думал. Особенно после того, как нашел ту старую, запыленную книжку. Впрочем, понятие «ту» предполагало, что кто-то находил еще и «эту». Вообще-то книжка была лишь одна, и даже простой факт, что это именно книжка, Тим установил много времени спустя, когда уже разобрал ее до середины. Отец, он вообще считал, будто Тим отыскивал новую игрушку на чердаке Зала Картин, его самого она не заинтересовала. Охота Тиму возиться со всяким дремучим старьем – его право.

Тим действительно нашел книжку на чердаке, и действительно над Залом Картин. Но только игрушкой она не была. Он очень скоро это понял и очень скоро полюбил свою находку превыше всего на свете. Может, превыше, чем Анику. Нет, это он хватил через край. Пожалуй, столько же, сколько и Анику, если любовь вообще можно мерить, в чем Тим сомневался.

– Погоди, ой, погоди же! – кричала ему вслед Аника, она прыгнула в воду гораздо позже, потому что ей прежде надо было снять платье и завязать в узел непокорные волосы. Теперь Аника догоняла его и никак не могла догнать.

Тим плавал куда быстрее.

Они стали плескаться и расшумелись. Пока один из плавающих в воздухе фонарей не завис над ними, предупредительно мигая ослепляющим красным светом. Значит, они нарушили общественную тишину, значит, надо немедленно замолчать и угомониться. Нехорошо это – доставлять беспокойство другим людям. Это было еще не наказуемо, но обитатели поселка могли плохо подумать о тебе, а если о тебе думали плохо слишком многие, то исход заранее известен. В один страшный день они не захотят жить с тобой вместе, и тогда тебя отправят в другое селение, и там тоже будут заранее знать, что ты за человек. И долго придется доказывать всем, что на самом деле ты хороший. Пока они не поверят, что ты исправился. Вот как Фавн, например. Он вовсе не родился в поселке «Яблочный чиж», он даже не помнил, откуда он и где жил прежде. И вообще в его седой голове было столько странного и чудного, что многие его сторонились. Хотя сам Фавн, скорее всего, плевать на это хотел. Он не нарушал правил – его не трогали. А уж чем он там занят у себя на веранде, его, Фавна, личное дело. Обычно Фавн вырезал из дерева неуклюжие фигурки, которые пытался затем дарить кому ни попадя. Но никто у него ничего не брал. Фигурки были некрасивые. Даже маленькие дети не хотели ими играть, у них полно настоящих игрушек, куда более интересных.

Домой Тим вернулся, когда стрелка на Колокольне Времени уже прошла черный час. Отец давным-давно храпел на открытой террасе. В воздухе гудел «мышинный писк» – квадратная штука, отпугивающая комаров-кровопийц и заодно навевающая глубокие сны. Но Тим не хотел снов. Ни быстрых, ни глубоких. Он не лег, как обычно, на соседний топчан, а поднялся к себе, на второй этаж, распахнул настежь огромное сизое окно и стал смотреть на луну. Сегодня она не была полной, бродяга шла на убыль, один бок ее ущербно скалился из крошечной небесной тьмы. А еще сегодня луна меняла цвет. Это случалось иногда, только в поселке луна никого не интересовала сама по себе, и Тим наблюдал неприкаянную бродягу в одиночку. Он знал, почти всегда она белая-белая. Но в иные ночи, вот как сегодня, отчего-то наливается густым оранжевым светом и по ней бегут ослепительные вспышки, как если бы кто-то высекал забавы ради из камня короткие искорки. Отчего это было так, Тим, конечно, не знал. Он только наблюдал бродягу. И думал. Зачем она такая плоская и все время неодинаковая? И почему, когда она круглая, то плывет по небу, хотя удобнее ей вышло бы катиться? И что у бродяги нет дома, ни на деревьях, ни в озере. Так и ходит туда-сюда, даже когда светло, ее порой видать в пасмурную погоду: прозрачный молочного цвета круг, который ясным днем затмевается отдохнувшим за ночь солнцем. Бродягу было жаль, и Тим подумал, отчего Радетели не назначат ей какой-нибудь приют? Или луна провинилась перед ними и тоже вела себя плохо? А может, нарушила однажды Единый Закон, и никто не решился взять преступницу к себе на поселение? Зато Тим был совсем не против, чтобы луна жила у них в поселке

«Яблочный чиж», и замечательно вышло бы ей устроить домик у речки. Пускай там и спит, а когда хочет – купается. Куда направить свое заступничество за бродягу, Тим все равно себе не представлял. И поэтому стал думать о другом.

Ему страшно хотелось поделиться, безразлично с кем, тайной своей души, но Тим уже успел догадаться, что сделать это невозможно. Потому что бесполезно. Пару раз он с отчаянной надеждой пробовал показать свою находку и объяснить, путано и довольно бестолково, для чего она предназначена, но не нашел ни должного внимания, ни даже слабого интереса. Ни у отца, ни у Сима, своего старого друга, жившего через улицу, ни у добродушной тетушки Зо, ни у Чичики, вечно строившей через забор глазки холостому соседу Яго. Даже Аника и та. Нет, она, конечно, слушала и смотрела в книжку очень недолго. А потом сразу забывала, когда на ум ей приходила новая проказа или забавная шутка. И Тим забывал вместе с ней. И то сказать, с Аникой ему почти всегда было не до тайны. Это оттого, что душа его находила себе иное занятие. «Отражаться в зеркале ее души», – сказал себе Тим теперь после того, как неожиданно научился нынешним вечером делать сравнения и выстраивать метафоры.

Тайна его не была нарушением ни одного из трех главных заветов. И нигде он слыхом не слыхивал, что за умение разбирать нарисованные знаки полагается наказание. Скорее всего, это умение было лишним и посторонним в поселке «Яблочный чиж», а может, и в других местах тоже.

Но вот то, что новое его знание вошло в непосредственное соединение с картинкой у границы, вот это-то плохо! Потому что насчет границы существовал строжайший запрет. Правда, тоже не входящий в Единый Закон, но в поселке считали – нет худшего греха, чем посягнуть на ее неприкосновенность. Этому учили с малолетства, это было также непреложно, как и то, что после желтого часа следом всегда идет синий.

И теперь Тим стоял у распахнутого настежь окна и думал. Почему, если границу невозможно преодолеть, так нужен этот запрет? Раньше он никогда не находил ответа, хотя и задавался подобным вопросом не раз. Но сейчас он узрел скрытую до поры истину, будто внезапно сквозь рассеявшийся туман четко проступил противоположный, затаенный берег реки, о котором Тим не ведал, что он есть, этот берег. Потому, что границу, наверное, можно преодолеть. Иначе зачем на картинке сложилось из знаков слово ВЫХОД! Ему вдруг сделалось зябко и тесно в груди, будто бы остыла кровь и воздух больше не хотел выходить наружу, будто он нырнул глубоко-глубоко, до самой придонной речной травы, и никогда ему больше не всплыть наверх. Это называлось страх. Тим испытывал его и прежде, и всегда страх случался отчасти приятным ощущением, потому что всегда можно было его избежать. К примеру, у края Колокольни Времени, когда достаточно отступить на шаг и холодные мурашки, бегущие вдоль по животу, пропадут сами собой вместе с боязнью. Но от нынешнего страха отступать получалось некуда. Оставалось на выбор: либо всегда стоять у края, либо сломя голову шагнуть вниз и будь что будет. До поры будет скверно, совсем скверно, подсказывал Тиму внутренний голос. И он знал, что голос этот говорит ему сухую правду.

Тим стоял и глядел в окно. И ничего не видел. Хотя разноцветные, плавающие в неподвижном воздухе фонари мягким светом озаряли пространство вокруг. Вот купол Колокольни Времени, и огромный блестящий часовой круг, который видно отовсюду, куда бы ты ни шел. Вот Соборная Площадь – ее угол выступал в просвете соседских домов, – ласковая, вечно зеленая трава, сколько ее ни топчи, наутро вырастает снова, и так до первого снега. Направо – Зал Картин, самый красивый в поселке, где на прозрачных стенах каждый вечер, а зачастую и днем показывают удивительные истории про чужие жизни и счастливую любовь. Жаль только, всегда одинаковые. Впрочем, никто в поселке, за исключением Тима, не жаловался на однообразие. А дальше налево Лечебница, дом, откуда приносят детей, и в ней родился он, Тим, и Аника, и Сим, и тетушка Зо, и его, Тима, отец, и отец отца, и почти все жители поселка «Яблочный чиж». Кроме Фавна, который загадочным образом родился неизвестно где, и кроме Яго, не так

давно прибывшего по обмену из дальнего селения «Беспечная малиновка». Еще в Лечебнице есть «колдун», удивительная сверкающая штука, которая сама говорит, что и отчего у тебя болит, и сама же дает снадобье или заползает тебе вовнутрь щекочущими щупальцами и делает все для того, чтобы боль прошла. И вообще, чудное это местечко, их поселок, и здорово, что Радетели устроили его так мудро и замечательно полезно, иначе людям бы вышло совсем без их забот пропасть, и надо быть благодарным. Вот только ВЫХОД...

Он и не заметил, как уснул, привалившись бочком на низенький подоконник, склонив отягощенную мятежными мыслями голову на скрещенные, исцарапанные руки. Волдыри давно уже сошли, сгинули без следа, как и мучительная чесотка, он вытерпел – было чего расстраиваться прежде. Но Тим позабыл и об этом. Он видел сны.

Фавн и бродяга

Утро, как назло, случилось дождливое. Однако Тим проснулся в хорошем настроении. Он вспомнил о своем намерении непременно навестить по-соседски Фавна и также по-соседски в неспешной беседе разузнать, что же такое эта ИНСТРУКЦИЯ, а может, не что такое, а кто такая. С чего он вообще взял, что слово на приграничном столбе указывало на неодушевленный предмет? Вдруг это имя некоей прекрасной богини из Радетелей, которая выполняет все просьбы, если к ней как следует обратиться. Другой вопрос, зачем? И чего Тиму, собственно, надо? О чем он собирается просить? Тут он вспомнил про ВЫХОД, и настроение его из хорошего превратилось в гнетуще-неприятное. Но Тим скоро утешился простым соображением – кто сказал, что он замыслил нарушить запрет и воспользоваться этим самым выходом? Тем более он понятия не имел, как осуществить сие рискованное и злонамеренное предприятие, и уж совсем не представлял себе, что он станет делать после, когда выход и впрямь откроется. Пойдет искать призрачное озеро за холмом, неизвестно, есть ли оно в действительности? Или ловить тонущее солнце? Это и вообще преглупейшая глупость. А то еще, упаси его судьба, Радетели не в шутку разгневаются, что он лезет не в свое дело и мешает их мудрому порядку, возьмут и поразят его громом. Или того хуже, отправят прежде срока в Дом Отдохновения. Куда берут только дряхлых стариков, от которых отказался «колдун». И где душу разделяют с телом, и тело превращают в пыль, а бесприютную душу спускают дальше, на оборотную, темную сторону земли, чтобы она спала во мраке и в покое вековечным сном. Но Тим не хотел спать в покое, он еще не устал от нынешней жизни, и вообще вечно спать было страшно, даже с самыми сладкими сновидениями.

Отец уже сидел в столовой за завтраком, наискосок рядом с ним остывала и порция Тима. М-м-м, красота! Молочная рисовая каша с виноградным изюмом, и грушевый компот, и воздушные, пористые булочки с патокой. Объедение! В поселке считалось, что завтрак даже на каждый будничный день – он разный. И что умная «домашняя нянька» – плоский шкаф с одной-единственной дверцей, которую нипочем нельзя открыть снаружи, – никогда не повторяется. А вот Тим знал, что это не так. Просто череда кушаний в их многих сочетаниях слишком длинна и рассчитана на долгие-долгие дни вперед, поэтому запомнить было слишком сложно. Да никто и не пытался, вот еще! А когда Тим говорил, ему не верили. Или беспечно отмахивались, подумаешь, детские выдумки, не проверять же, в самом деле! «Яблочный чиж» слыл солидным поселком с доброй репутацией, чтобы размениваться на подобные мелочи.

После завтрака отец раскурил свою гладкую, вишневого цвета трубку, в этот раз набитую удушливой смесью с ландышевым запахом, потрепал Тима по плечу, подмигнул, да и отправился на двор к соседу Марту играть в городки-перевертыши. Отец был в поселке из первых чемпионов и на праздничных состязаниях почти всегда выигрывал главный приз – поздравительное послание от здешнего опекуна-Радетеля: легкую железную пластину с портретом и золотистыми завитушками. Таких пластин в доме висел уже десяток, но отцу все было мало.

Потому он частенько после завтрака ходил на крытый двор к Марту, который, хоть сам играть не играл, но зато помогал отцу советами.

Тим не сразу следом отправился по своему делу. Ему было боязно. Поэтому он сначала посидел в столовой, раскинувшись удобно на мягком подвижном стуле, и понаблюдал, как проворный «домовой» собирает посуду со стола. Как несет ее дальше к сливному баку, в котором чашки, ложки, суповые миски и квадратные тарелки растворяются вместе с объедками в одну тягучую, горячую массу, засасываются внутрь, чтобы потом появиться уже за обедом, с иным затейливым рисунком и ароматными кушаньями из «нянюшкиного» окошка. Шел оранжевый час. Когда Тим, наконец, вышел из дому, он прошел уже наполовину. Надо было спешить, иначе Фавн мог взять, да и уйти в Зал Картин смотреть дневную серию о крошке Мод и непослушном босяке, присланном на перевоспитание. Чуть крошечная, и для самых маленьких. Но почему-то Фавн всегда ходил смотреть именно эту историю, и никакую другую, хотя по вечерам в Зале показывали вещи куда занятнее.

Все же Тим не опоздал. На веранде Фавна раздавались привычные, уютные звуки: вжик-вжик-вжик! Это он вырезал никому не нужные игрушки, и Тим подумал, что непременно возьмет одну или даже две штуки, если, конечно, Фавн скажет ему что-нибудь, хоть сколько полезное.

Фавн сидел в кресле-«качалке» и ножиком-саморезом строгал березовую чурочку, у ног его шустро сновал «домовой», тщательно подбирая летящие опилки, и монотонно гудел – наверное, занятие хозяина ему не слишком нравилось. Дождь моросил по-прежнему, в воздухе пахло тяжелой сыростью и свежим деревом. Фавн морщился, то и дело не слишком довольным взглядом осматривал свое изделие и вздыхал.

– Привет, – поздоровался с крылечка Тим, – что это у тебя на сей раз?

– Пока не знаю, – ответил ему Фавн и опять вздохнул, – думаю, будет белый крыс, смешной и с ушами. А если не выйдет, то переделаю в елочку.

Тим заранее мог предсказать, что не выйдет никакого крыса, ни смешного, ни грустного, а получится очередная безобразная елка, вон их полверанды – расставлены в углу, неуклюжие и кособокие поделки, крашенные совсем не в елочные цвета, синие, пурпурные и фиолетовые.

– Можно, я посижу немного с тобой? – спросил он у Фавна, одновременно, не дожидаясь разрешения, поднялся по ступенькам.

– Чего уж там, можно, – охотно согласился Фавн, ему было скучно в одиночестве, с ним редко кто водился по доброй воле, а если и заговаривали, то лишь по праздникам, когда его неудобно выходило не замечать или по необходимости.

Тим сел рядом, в соседнее плетеное кресло, сплошь обложенное пестрыми подушками. Они немного помолчали. Тим не знал, с какого боку правильно начать разговор, чтобы после намеренно свести расспросы к единственно интересовавшей его вещи. Поэтому он вдруг, ни с того ни с сего, заговорил о луне, о вчерашнем ночном размышлении у открытого окошка. Это хотя и не имело прямого отношения к его делу, зато все же было достаточно необычно и не похоже на прочие повседневные неспешные беседы в поселке «Яблочный чиж». Фавн слушал его молча, не перебивал, иногда лишь размеренно покачивал головой, будто бы сомневаясь в услышанном, и ни на миг не прекращая строгать свою чурочку. После того как Тим пересказал свои впечатления от наблюдений за бродягой, он процедил сквозь сомкнутые плотно губы:

– М-да, луна! – пожевал беззвучно воздух и неопределенно взмахнул рукой, а заодно зажатый в ней ножом-саморезом.

– Такие дела, – откликнулся Тим. Надо было сказать что-то еще, и он спросил, не слишком надеясь на ответ Фавна, да и откуда тому ведом ответ? – Интересно, почему бродяга всегда разная? То круглая, то шербатая, то вообще ее не видно. Наверное, небесные духи проказничают и бросают на луну тень. Или черное покрывало, или какую-нибудь штуковину в таком роде. Но раз уж Радетели не беспокоятся о ней, то и нам ни к чему.

– Да, ни к чему, – эхом отозвался Фавн, на миг отложил свою чурочку и задумался. И вдруг, словно в полусне, глаза его подернулись мутной поволокой, морщинистое лицо скорчилось, будто от внезапной боли или нестерпимо яркого света, и Фавн неожиданно сказал: – Тень. Тень... – потом повторил еще раз: – Тень...

Глаза его медленно прояснились, растаяли дымкой, на мгновение стали осмысленными и такими суровыми, что Тим даже испугался ненароком. А Фавн, словно не помня о себе, произнес:

– Неодинаковая, да. Площадь описываемого сектора постоянна за равные временные промежутки. Поэтому периодичность лунных фаз... согласно второму закону Кеплера... кажется у Кеплера, да... квадраты времени обращения вокруг солнца соотносятся между собой... соотносятся между собой... – тут он будто бы одумался и очнулся, недоуменно огляделся вокруг себя. – А, это ты, Ти-им... – удивленно протянул он тонким, старческим голосом.

И растерянно добавил, с усилием припоминая: – Вроде ты что-то сказал?

Тим был ошарашен настолько, что не сразу нашелся, что сейчас ответить Фавну, поэтому у него непроизвольно вырвались и дальше устремились безудержной лавиной совсем уже посторонние вопросы:

– Как это время может быть квадратным? Какое же оно квадратное, если оно круглое? То есть не время, а часы на Колокольне? Ослеп ты, что ли, на старости лет? И что такое фазы у луны? И кто он, этот твой Келер, Кепер? У нас в «Яблочном чиже» никогошеньки нет с таким противным именем. Это, наверное, оттуда, где ты раньше жил? Ты, наверное, вспомнил свой прежний поселок и сам не заметил? А как он назывался? А он далеко отсюда?

Фавн только рот разевал, как малый ребенок, попавший впервые в Зал Картин на дневной сеанс. Тогда Тим догадался, что на беднягу вновь нашло умопомрачение, и смешно даже спрашивать, что он имел в виду, когда нес всю эту околесицу. Квадрат у времени, это надо же! Все равно что угол у шара! Зря он пришел сюда, зря сидит на крылечке с этим полоумным стариком. Но встать и уйти без объяснения было бы дурным поступком. Фавн ведь не виноват, что у него мозги набекрень. А как старик обрадовался, что к нему хоть кто-то зашел с визитом! Тиму все равно терять было нечего. Поэтому, больше для очистки совести, само собой, он небрежно и как бы невзначай обронил:

– Вчера вечером ходил в Зал Картин... – на миг замолчал и, перехватив от Фавна ответный взгляд, заговорил уже уверенней: – Ерунда на очистительном супе полная. Все про любовь, да про любовь, и все неправда. Лучше бы показали про того парня, что дружил с ручной крысой. А она помогла ему получить приз на рождественских состязаниях для холостяков. Ты, поди, не смотрел?

Фавн отрицательно замотал головой. Он слушал Тима старательно и напряженно, натужно сдвинув седые брови, словно хотел извиниться за свое невольное помрачение. Зато теперь можно было врать без опаски.

– Ну вот. Там сказали одно странное слово. Никто, пожалуй, и не заметил, кроме меня. По правде, я тоже его позабыл. А сейчас вдруг вспомнил. И подумал, дай-ка спрошу я Фавна. Он давно живет на свете и, наверное, много чего повидал. Ведь повидал, а? Даже если память ему начисто отшибло, так, может, не навсегда? Как ты считаешь про себя? – Дождавшись, чтобы старик в «качалке» неопределенно пожал тощими плечами, Тим с замиранием в середине груди продолжал: – Слово какое-то необычное и длинное, если уж ошибусь, ты не взыщи. Называется оно ИНСТРУКЦИЯ, кажется, так. Ты часом не слыхал, что это такое?

Фавн вроде бы растерялся еще пуще прежнего. Руки его непроизвольно дернулись, он уронил саморез и недоструганную чурочку, и то и другое с глухим стуком упало на пружинящий, прохладный пол веранды. «Домовой» закрутился суетливо, ловко подобрал оба предмета, после застыл на месте в ожидании.

– Ну, нет, так нет, – поспешно сказал Тим. Ему совестно было мучить безобидного старика. – Я просто спросил. Вдруг знаешь?

– Вдруг и знаю, – повторил за ним Фавн, неуверенно огляделся, как если бы искал подсказки у окружающих его домашних вещей. На сером, помятом его лице читалось явное желание угодить. – Иногда, если не думать нарочно, я слышу будто бы шепот в своей голове. Может, и сейчас получится.

Фавн приложил тонкий, костлявый палец к губам, как бы прося у Тима тишины – а тот и не думал мешать, – и крепко-накрепко зажмурился. Потом расслабленное его тело откинулось навзничь в «качалке», кресло плавно ходило туда-сюда довольно долго, Тиму даже успело надоест. Но вот Фавн очухался, сморщенные веки его разомкнулись, просветленные серебристые глаза приобрели особенное, беспокойное выражение.

– Кажется, так. Инструкция – это руководство, то есть указание к действию, чтобы совершить его верно. Если хочешь получить нужный тебе результат. А результат – это и есть то, ради чего ты делаешь дело. Иначе говоря – твоя цель.

– Это вроде Единого Закона? Чтобы всем жилось хорошо и Радетели тебя не покарали страшной карой, надо поступать так, как он велит? – уточнил Тим на всякий случай, хотя ему и без того все стало ясно. И в то же время так тоскливо и тошно, что он непременно упал бы без сил, если бы уже не сидел по горло в подушках и ему было куда падать.

– Да, очень похоже, – подтвердил Фавн. И захныкал: – Голова болит. Всегда оно случается, когда я слушаю шепот. Ох-хо-хо!

– Так ты сходи к «колдуну», и мигом все пройдет. И знаешь что, давай лучше я отведу тебя сам? – в великодушном порыве предложил ему Тим. Все же старик заслужил благодарность, как ни крути. И не его, Фавна, вина, что рассказ об ИНСТРУКЦИИ вовсе не пришелся Тиму по сердцу.

– Ну уж отведи-и, – согласился со стоном старик, насилу поднимаясь из глубины своей «качалки». – Если хочешь, возьми себе одну, – он жалобным жестом указал в угол, на закуток, заставленный елками.

– Я две возьму. – Тимом как завладел, так и не отпускал его стих накатившего прекраснодушия. – Вот эту красненькую и другую, с синими полосками, – он выбрал из строя корявых, плохо обструганных деревяшек парочку наименее безобразных. – Пойдем потихоньку.

Когда они шли по поселку – вернее, шел Тим, а старик беспомощно волочился, опираясь на его напряженное плечо, – навстречу сразу же попала компания старых приятелей. Сим и Марийка, а с ними, конечно, Аника. Наверное, друзья как раз искали его, чтобы всем вместе отправиться, не медля, купаться на речку. После утреннего дождичка вода бывала всегда на удивление теплой и приятной, как плотный птичий пух в ладонке, – опять нашел сравнение Тим. Тем более сейчас, когда от земли парило и воздух словно бы замер за непрозрачной душливой пеленой.

Они увидели Тима и старика, а Тим увидел их. Фавну, казалось, все равно. Он ничего не замечал кругом, так ему было больно. Друзья его прошли мимо, не задавая вопросов и учтиво глядя прямо перед собой, будто бы на улице не существовало никого, кроме них самих. Понятное дело, им было любопытно, еще бы – Тим шагает по поселку под руку со старым Фавном. Интересно, куда, и уж совсем интересно, зачем? Но никто из них не остановился и даже не окликнул Тима. А Тим их не окликнул тоже. Частное дело одного человека не касается другого. Вопросы будут потом, когда дело кончится, и прилично станет спрашивать. Хорошее правило, очень нужное, подумал про себя Тим. Все-таки Радетели – мудрые боги, счастье, что они есть.

Передав Фавна на попечение заунывно зудевшего «колдуна», сам Тим в Лечебнице не задержался. Теперь со стариком все будет прелестно, а он свое исполнил, довольно на сегодня хороших поступков. Под мышкой у Тима по-прежнему были зажаты две неказистые игрушеч-

ные елочки, куда их девать-то, вот задача? Нести домой – отец потешаться станет, да еще, поди, прицепится – чего ему от Фавна нужно было. А Тим расспросов никак не хотел. Он вообще ничего не хотел слышать такого, что имело бы отношение к ИНСТРУКЦИИ и к другому слову на пограничном столбе. Впервые его детскую еще душу охватило бурное смятение чувств, из которых большая часть приходилась на долю гаденького сознания собственной трусости, а меньшая, но и существенно значимая – на долю столь полнокровного ужаса, коего Тим не испытывал никогда в жизни. Запрещено! Запрещено! Да кем запрещено? И почему запрещено? Он ничего такого не делает! И этакого тоже! А что, если... Даже не думай! Не думай! Но не думать он не мог.

Он шагал вместе со своими елочками куда глаза глядят, а глаза никуда и не глядели. Ноги сами принесли его к крапивным зарослям у новой границы, и почему, собственно, новой? Сколько он себя помнил, граница эта всегда так называлась. Где была тут прежняя, старая, и вовсе никто уже в поселке сказать не мог. И почему «железные дровосеки» никогда не навоят порядок именно в здешнем месте? Да потому, что на столбе есть это слово. Пускай его плохо видно даже в сумерки, но ведь есть же оно! И надо его прятать. Это было открытие, так открытие. Он стоял у приграничной полосы средь бела дня, и мог его видеть каждый, но не было кругом ни единого человека, кто бы его обнаружил. Здесь не ходят! Не ходят! И ничего нет об этом в Едином Законе и в трех главных заветах тоже нет.

Тим по памяти перебрал все короткие правила, что обязан всякий знать наизусть с раннего детства. И в поселке «Яблочный чиж», и в «Кроткой голубке», и в «Поющей чаше», и даже в дальней «Беспечной малиновке», а больше ниоткуда к ним по обмену никто отродясь не забредал. Но и те, кто приходили раньше, рассказывали – судя по слухам, везде тоже так. Один закон и те же самые три завета.

Единый Закон гласил для всех: «Праведная жизнь – в подчинении Радетелям».

Три правила были:

Первое – «Любое телесное насилие над другим человеческим существом есть немедленная смерть преступника».

Второе – «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого».

Третье – «Никто не может считать себя главным, потому что все люди равны».

За последних два проступка наказание – полное лишение человеческого естества. Отец Тима в далекой молодости знал однажды такого грешника, нарушившего третий завет. И голосом, замиравшим от страха, рассказывал Тиму в назидание, что тот бедняга как взят был в Лечебницу, так и не вышел оттуда. Потому что ничего не понимал, никого не узнавал, а мог лишь кушать жидкую кашу, да спать день-деньской, и еще иногда бессмысленно стонать. Скоро его вообще забрали в Дом Отдохновения, и больше того человека никто никогда не видел, что и немудрено. О людях, которые бы нарушали первый завет, вообще в поселке слухом не слыхивали. За это вроде бы яростный гром с небес, посланный Радетелями, поражал нечестивца на месте, даже никакого Дома Отдохновения не полагалось, человек испепелялся вместе с его пропащей душой.

Во всех остальных случаях люди в поселке слепо следовали указаниям Радетелей. Когда кому жениться и на ком, хотя обычно пожелания всегда учитывались, кроме нескольких непонятных случаев. Да и в семье потом никого насильно не держали, хочешь – живи, а не хочешь – вольному воля, второй закон соблюдался без оговорок. Затем – когда и сколько иметь детей, – редко позволялось больше двух, но почти никто и не просил больше. Кому где жить и куда отправляться по обмену, если кто желал перемен, – в основном это касалось вдов, от которых отказались мужья, бессемейных сирот и холостых мужчин, ни разу не женатых или ушедших из дома. Еще напоминали, когда какой праздник и когда какое время на небе – лето или, скажем, зима. Когда молиться, когда есть, когда спать, когда ходить в Зал Картин – этот распорядок тоже заведен был непреложно свыше Радетелями.

Кроме того, в поселке «Яблочный чиж», как и в иных прочих, имелся негласный свод не столь важных предписаний, который назывался «так принято». Принято было детям во всем слушаться родителей, если таковые имелись, вплоть до первой зрелости. Принято было благодарить Радетелей на общей молитве. Принято было просить об изгнании неугодного грешника, который хоть впрямую и не нарушал завета, но не слишком удобно выходило с ним жить. Принято было помогать, если попросят или просто так, вот как сегодня Тим помог старику Фавну. И уж, конечно, было НЕ принято ошиваться вблизи границы. Какое наказание предусматривалось за этот кошмарный проступок, Тим не имел представления, потому что никто еще в здравом уме его не совершал. Но уж, конечно, высылка прочь, не меньше. А вдруг и Лечебница, хотя опять же в заветах ничего не говорилось о таких преступлениях. Но кто его знает? Для Тима даже возможное изгнание было бы концом света и счастья, ибо это означало навсегда расстаться с Аникой.

Мысли Тима заметались в беспорядке, взор его устремился в пасмурное, вновь набухавшее тучами небо, словно бы он просил равнодушную, хмурую твердь дать хоть какую подсказку. Сквозь мышино-серую мглу проглянул с заоблачной высоты смутный молочно-белесый, неприкаянный страннический лик. «Бродяга, ну разве ты помоги! Ты же знаешь, как плохо быть одному! Помоги, что тебе стоит?», – в трепетном порыве воззвал к лунному диску Тим, уже заранее зная, что порыв его – от собственной беспомощности и ни к чему не приведет. Никчемное создание эта луна. Зачем она вообще нужна? Солнце, то хоть светит. А эта шастает по небу туда-сюда, видать, даже Радетели махнули на нее рукой. И все же бродяга волей или неволей натолкнула Тима на неожиданное размышление. А с чего он взял, будто бы от любого существа в этом мире непременно должна выйти польза именно ему, Тиму? Неужто бродяга не может порхать по небу в свое удовольствие? А какой толк ей, скажите на милость, от самого Тима? Тоже, небось, думает, что он бесполезное создание и ей, бродяге, ни на что не годное? Если луна вообще может думать о чем-нибудь. Кстати, зачем на белом свете нужен он, Тим? А нужен он для того, чтобы... чтобы... Тут он окончательно зашел в тупик, потому что не нашлось у него никакого ответа. Правда, зачем он живет? Зачем все живут? Ну, Радетели, те понятное дело. Без них ничего бы и не было. Без Радетелей никак нельзя. Вот и выходит, что от них есть польза. Они нужны всем в поселке «Яблочный чиж», и в других местах тоже. Они сделали солнце, может, каждый свое отдельное. И сделали луну, может, одну на всех, а может, и нет. И землю, и все прочее. Неизвестно, зачем им это надо, и тем более неизвестно, зачем им Тим, и его отец, и Аника, и тетушка Зо, и все остальные люди. Но оттого получается, что он, Тим, тоже бессмысленное существо, и жизнь его бессмысленна.

Как при любом коренном перевороте в созерцании мира, внутри Тима-человека обращение его разумного «Я» к прежде неосознаваемым вещам совершилось в мгновение ока. Подготовка к этому переходу заняла довольно долгое время, но перелом произошел стремительно. Естественное перерастание строго определенного количества в пока еще бесформенное качество случилось с такой же быстротой, с какой из-под ног приговоренного к повешению ускользает опора, и вот уже одно состояние необратимо сменяется на другое.

Он должен прежде знать. Должен прежде, чем снова будет стоять перед ВЫХОДОМ, и прежде, чем заставит говорить ИНСТРУКЦИЮ, что ему делать дальше. Потому что Фавн сказал ему: руководство к действию нужно для осуществления цели. А цели у Тима пока не было. По крайней мере, той, для которой понадобилась бы ИНСТРУКЦИЯ на пограничном столбе. Но где искать это знание? Ни бродяга, ни Колокольня Времени, ни солнце, ни река, ни даже Фавн ему ничего не скажут на этот счет: «Для чего на свете живет он, Тим?» Молиться Радетелям о прозрении ему было слишком боязно. Вдруг это грех, вдруг его заберут заслушивание в Дом Отдохновения, и то в лучшем случае. О том, чтобы спрашивать кого-то в поселке, и речи не шло – это было опасно и, главное, без толку. Никто из них не думал о себе так, как Тим, даже и Аника, как оно ни печально и жаль. Оставалось одно. Единственная его подруга, которую

он нашел на чердаке в Зале Картин. Да и нашел-то случайно, за день-другой до своей первой зрелости, это он помнил хорошо. Ему потребовалась старая игрушечная доска для рисования, на чердаке валялось много ненужного хлама, который вроде бы и надо отдать «домовому», но ребятишки сносили именно сюда, все равно вскоре забывали, и брошенные вещи время от времени пропадали неведомо куда, когда их становилось слишком много. Свою доску он тогда не отыскал – а и полез за ней оттого, что вспомнил полузабытый сон из детства, и будто бы там, на доске, запечатлены были удивительные создания из этого сна, – зачем ему понадобилось, он и сам не понимал.

Зато вместо старой игрушки ему попала под руки Она. Книжка, а в ней знаки и слова. И каждому слову соответствовала отдельная картинка, чтобы было понятно. Правда, Тим совсем не сразу в ней разобрался. Он до вечера просидел тогда на чердаке, пропустил обед, отец его обыскался и хотел уже тревожить соседей, потом ходил сердитый много дней. Но Тим все стерпел, тихонько и бережно сперва припрятал находку, пока не уверился в ее безопасности, затем долгими часами старался над книжкой, порой и по ночам, и не зря. Скоро он сообразил, как и в каком порядке нажимать на цветные треугольники, кружочки и загогулины внизу прозрачной насквозь коробки, чтобы картинки последовательно выплывали наружу и сменяли в воздухе одна другую. И как обрадовался целую зиму спустя, когда самостоятельно смог прочитать ее название. «Азбука. От 3 до 5 лет». Потом он догадался, что «азбука» означает учение о правильном сложении знаков в разнообразные слова. Некоторые, однако, были совсем непонятны и незнакомы, как и соответствующие изображения предметов, которых он никогда прежде не видел. Тогда он или пропускал их, или запоминал на всякий случай. Что же такое «3» и «5» он вызнал далеко не в один день. Пока не наткнулся на понятие «считать», причем не на пальцах, а, как оказалось, для каждого количества здесь полагалась определенная цифра-знак. От одного до десяти. Заодно пришлось потрудиться над загадочным понятием «лет». Когда же он выяснил далее, что это всего-навсего множественное число от слова «год», а последнее означает огромный промежуток времени от одной зимы до другой, то не на шутку удивился. Кому это понадобился столь неудобный счет? И какая разница, сколько зим прошло? Одно его порадовало: коли в книжке говорилось, что «Азбуку» нужно разбирать от трех до пяти этих самых лет или зим, то он, Тим, молодец, разобрался куда быстрее, ишь какой он умный. Но вот теперь его интересовали совсем иные вопросы, и радость его, и гордость от успешного познания испарились неведомо куда, только и оставалось ждать неизвестно чего.

Будет ли ответ? Он надеялся хотя бы на подспорье. К тому же Тим обнаружил у книжки драгоценное и редкое качество. Одни и те же явленные ему слова могли иметь сразу по нескольку значений, и тогда простые фразы, сложенные из них, обретали совсем иной смысл. Может, он что-нибудь пропустил, может, нужно попробовать еще раз. Все равно в поселке «Азбука» получалась единственной вещью такого рода, а больше читать знаки было совершенно негде, хоть ты тресни! Невольно выругался Тим про себя. Что же, он попробует, еще как попробует!

В этот миг сонную, воркующую тишину сиреневого часа прорезал низкий, тягучий звон. Вот-те, нате! Не может быть! Послание от Радетеля. Неужто скоро праздник? Но нет, тогда бы звон был высокий и с переливами. Сообщения же, касающиеся исполнения прошений, говорят, обычно появляются вечерами в Зале Картин, хотя Тим пока ни одного не видел. А уведомления семейного характера, о свадьбах, детишках, наступлениях зрелости и прочей ерунде вообще приносит «домовой» неизвестно откуда. Стало быть, случилось что-то необыкновенное. Но что? Тут у Тима невольно подкосились ноги, словно бы превратились в мягкую жевательную тянучку, и он плюхнулся с размаху на траву, но даже не почувствовал боли от неловкого падения. Его захлестнул панический, ни с чем прежде несравнимый страх. Известно, к чему этот звон на Колокольне Времени! Из-за его, Тима, выкрутасов. Ну зачем, зачем он полез в эту окаянную крапиву? И какое ему дело до сумеречных знаков на новой границе? Теперь

он получит по заслугам, и так ему и надо! Из глаз его сами собой хлынули ручьем холодные, пропащие слезы, Тиму стало ужасно жалко себя, он внезапно осознал собственную малость и крайнюю беспомощность перед лицом грядущего наказания, и, следуя слепому, животному инстинкту, предпринял единственную, пришедшую ему на ум спасительную попытку – начал истово молиться Радетелям. Вдруг и пощадят.

Потом он встал. Лучше уж он придет сам, лучше уж навстречу, чем бежать прочь, и не потому, что бежать некуда, а только – так лучше. Почему и отчего, Тим на сей раз не задавался вопросом, ему лишь показалось вполне естественным этак-то поступить. Он и знать не знал – поступок его из ряда вон, никто еще не делал ничего похожего и не рассуждал подобным образом в поселке «Яблочный чиж», потому что не было там естественных вещей с названиями «смелость» и «отчаяние». Он трусил необычайно, но все же шел вперед, пускай и на ватных, подгибающихся ногах. Пускай через страх и через силу, но все же шел вперед.

Тим вышел на Соборную площадь. Полно народа, и каждый, раззявив рот, смотрит вверх, на «говорящую птицу» – неживую разомкнутую пасть, вознесенную ввысь на радужном шесте, изрекающую торжественные послания Радетелей. Поэтому никто не обратил ровно никакого внимания на его необычный, удрученный вид – понурые плечи и обреченный, зеркальный взгляд карих с прозеленью, широко раскрытых глаз.

«Завтра, в оранжевый час. Прибытие Радетеля-хозяина. Новый товарищ по обмену. Напутственное слово. Возрадуйтесь и воздайте. Да хранит вас всех судьба!».

Тим не сразу смог уразуметь, что в послании о нем не говорится ни единого словечка. Он уже настолько внутренне приготовился к роковому для себя исходу, что долго не был в состоянии поверить в помилование. Да и помилования не вышло, потому что не объявлялись преступление и наказание. Воображение, приткое и знающее за собой вину, подвело его самым предательским образом. Ну с чего он взял, будто его походы к новой границе непременно вызовут всеобщий переполох? Его отпустило гнетущее чувство одиночества приговоренного, и он рассуждал теперь здраво – тоже мне, фигура, Тим из поселка «Яблочный чиж». Подумаешь! Хватил бы его «домовой» за шиворот или, скажем, «железный дровосек» своими клешнями, да и уволок в Лечебницу. Стоило бы Радетелям самим стараться да еще объявлять всеобщий приветственный сбор!

Хотя странно. Когда сосед Яго прибыл по обмену из своих «беспечных малиновок», никакой Радетель его не сопровождал, еще чего! И никого не сопровождал, насколько знал за свою короткую жизнь Тим – не было таких случаев. И в поселке ни о чем подобном никем из стариков не упоминалось. Может, какой особенный переселенец? Вздор, люди все равны. Что положено одному, положено и другому. Он подумал немного, на этот раз очень быстро. Даже сам удивился. Все очень просто – случайно совпало, прибытие нового жителя и визит Радетеля-хозяина здешних мест. Говорят, иногда они приходят, ни зачем, а только посмотреть, что и как, и показать себя. На памяти Тима еще ни одного явления Радетелей не происходило, и он, позабыв прежние страхи, чистосердечно возрадовался и воодушевился. Надо же, вместо сурового наказания выпали на его долю невиданные счастье и удача. Вдруг и ответы выпадут тоже? А коли нет, посмотреть на живого хозяина всего сущего в поселке «Яблочный чиж» само по себе достойное событие!

К нему подбежали Сим и Аника, наперебой загалдели:

– Ты слышал? Слышал? А как это будет? Ой, здорово! – в один голос твердили они, подпрыгивая на месте от радости и прихлопывая в ладоши.

Тим был рад тоже. Главная лиха беда пока миновала его.

Неподалеку приплясывала на смятой траве пестрой, неутомонной стайкой малышня, выкликающая: «Чудо, чудо!», и старшие тоже улыбались друг дружке, повторяя: «Вот праздник, так праздник!». А с неба опять сыпал мелкий, противно-тепловатый дождичек.

Праздник блаженного послушания

Поселок «Яблочный чиж» в полном составе собрался на площади задолго до назначенного оранжевого часа. Пришли все без исключения. Даже Фавн, несмотря на то, что он не слишком интересовался поселковыми событиями, которые не касались его непосредственно. Матери и отцы привели детишек, усердные «домовые» прикатили колясочки с младенцами. Молодежь держалась небольшими стайками, стеснялась и делала вид, будто ей все нипочем. Сим, Аника и Марийка стояли особняком, как самые старшие из тех, кто вот-вот получит вторую зрелость, жестами подзывали к себе Тима. Но он нарочно не шел, предпочитая компанию отца и тетушки Зо. Потому что это была своего рода игра – отец притворялся, будто бы говорливая соседка сильно докучает ему и как бы искал спасения у Тима, тетушка Зо – будто бы Тим ей помеха, а ведь дело обстояло как раз наоборот. И еще потому, что друзья его задурили бы Тиму голову своей болтовней и восторгами, но именно теперь Тиму просто необходимо было воспринимать происходящее насколько возможно ясно и отчетливо.

Внезапным порывом началось общее моление, невзирая на то, что заранее его никто не назначал и не объявлял – вообще молиться в оранжевый час было не по установлению. Но как-то разом жители поселка приняли торжественные позы, тоже и малые дети: сведенные над головами руки, ладони, сложенные «лодочкой», лица, обращенные к небу, хотя на небе-то никаких Радетелей никогда не наблюдалось. И нескладный многоголосый хор в давно заученной стройной последовательности затянул размеренное песнопение:

Радуемся и превозносим! Благодарим и преклоняемся! В послушании и в изобилии! Радетели наши, да пребудьте с нами! Дарить и принимать! Хранить и почитать! Каждому свое в горних высях и на земле!

И так до тех пор, пока обессиленные в трансе головы не падали устало в отдохновении на грудь, не обвисали утратившие страсть расслабленные руки, а на лицах не начинала сиять тихая, довольная умиротворенность. В этот раз со всеми было так. Кроме Тима. Первый раз в жизни у него не вышло, хотя ритуал молитвенного поклонения Радетелям был изведен им с малолетства, каждое ощущение возникало последовательно само собой и сменялось другим, более счастливым и сладостным. Теперь он стоял как пень от старого дерева в поселковой дубовой роще и не мог уйти, и не мог не наблюдать, как благодарственное моление выглядит со стороны. А выглядело-то оно преглупейшим образом. «Преглупейшее» вообще служило крайним, оскорбительным определением в лексиконе Тима. И уж, конечно, никогда еще Тиму не приходилось применять и прилагать его к такому священному действию, как всеобщее благодарственное моление на Соборной площади. Но теперь никакого иного, более мягкого слова, попросту не нашлось. Даже и чувства невольного страха и святотатственного возмущения не возникло. Потому что и впрямь «преглупейшим образом». Наоборот, невольно Тиму стало вдруг стыдно. Неужто и он так каждый день стоит на зеленой пушистой траве, с простертыми вверх руками и бормочет нараспев тягучую вязь разнообразных звуков, смысла которых в этот момент не понимает. Зачем нужна молитва, если здравый рассудок в ней спит непробудным сном? Не лучше ли на трезвую голову разобрать каждое слово отдельно и в его связи с остальными, раз и навсегда понять и принять, чем изо дня в день бубнить одно и то же? Словно он животное, которое если не приручать постоянно, так оно и не уразумеет, чего от него хотят?

Тут его любопытствующий взгляд наткнулся на второй такой же. Нет, не такой же, сказал себе Тим. А растерянный и как бы недоуменный, и оттого тревожно беспомощный. Наискосок от него, рядом с Лелем-«курноси́ком» и его большим семейством, молящимся истово, стоял Фавн. Его руки тоже не простирались к небесам, ни единого звука не слетало с его сомкнутых, будто приклеенных друг к другу губ, вовсе не шевелившихся и для приличия. Фавн, в свою очередь, смотрел на Тима без укоризны и без любопытства, как бы спрашивал безмолвно:

«Что, приятель, худо тебе? Ты тоже здесь лишний?» Еще теперь Тим вспомнил совершенно определенно – никогда прежде не замечал он Фавна на благодарственных молениях, может, не обращал внимания? Нет, не было Фавна на Соборной площади. Никогда не было. Ни когда шел нежный, как шепот, снег, ни когда легкий дождичек, ни когда сияло озорное солнце, в красный час молитвы всегда высоко парившее в синем небе. Почему же сейчас? Спросил и сам себе ответил Тим: потому что прибытие Радетеля такому, как Фавн, все равно любопытно. И какому такому? Стало быть, и Фавн отличается от других, стало быть, похож на него, Тима? И может, загадочные его обрывки фраз о каком-то квадрате у времени вовсе не стариковский бред?

Но додумать до конца Тиму не удалось. Моление кончилось. На Соборной площади воцарилась тишина, полная и будто бы окончательная – подумал Тим. Будто бы природу поразило то, после чего уже не случится никакого звука, и так – навсегда. Но звук случился. Колокольня Времени бравурным звоном объявила оранжевый час. Жители поселка встрепнулись, словно разбуженные не по своей воле полевые цветы, сомкнувшие лепестки на ночь. Головы обернулись, сосед посмотрел на соседа, прошелестели порывом краткие несвязные восклицания, и вот уже тут и там завязался разговор, послышались возгласы: «Скоро? Ну, скоро же? Ой, мамочки, аж поджилки трясутся!» Взрослые внушали детишкам, чтобы смотрели внимательно и ничего не пропустили – когда еще доведется увидеть им Радетеля?

Отец и тетушка Зо, позабыв про игру, наперебой обсуждали грядущее событие, к ним протиснулся неугомонный Яго, покинув ненадолго свою невесту Чичику и ее пыхтящую мамашу, чтобы биться об заклад, он неимоверный спорщик, этот Яго. Прибудет ли Радетель по воздуху или как-нибудь иначе? Отец поставил фору на будущих состязаниях – одну «бабушку в окошке», а хохотушка Зо – поцелуй победителю. Тиму стало скучно с ними, да к тому же Аника опять махала ему рукой, звала к себе. А рядом скалился Сим, обнимал свою Марийку, девушка что-то строго говорила ему, наверное, увещевала быть серьезным в такой необыкновенный час.

И тут вдруг началось. Тим не успел даже добраться до Аники и Сима, замер на полдороге, как раз возле Леля-«курносики» и его семейства, совсем неподалеку от Фавна, хотя данного обстоятельства он сперва не осознал. Не до Фавна теперь, когда такое происходит!

Радетель прибыл не по воздуху, скорее, появился из воздуха. И то сказать, Тим понял, кто возник на самом краю Колокольни Времени, просто потому, что никто иной это и не мог быть. Оно, это существо, которое все называли Радетелем, совершенно не походило ни на что, виденное им прежде. Хотя Радетелю вовсе не подобало слово «что». Яркая, слепящая глаза фигура, будто собранная из осколков разбитого объемного зеркала. Ни одной плавной линии, сплошные ломаные углы, переливающиеся в бесконечном многоцветии, в бесконечном сплетении красок, в бесконечном вращении, словно бы пущенные световым лучом по замкнутому кругу. Только по едва различимым очертаниям можно было понять, где у существа голова, а где руки и ноги. Лицо у Радетеля отсутствовало – вместо него все та же радужная мешанина красок и углов, зато имелся голос, нечеловеческий и пронизывавший все насквозь. От этого голоса рябило в глазах, да, да, именно в глазах! Тим невольно удивился, что подобное возможно. Голос говорил о послушании и о счастливой жизни, и... Внезапно Тим потерял смысловую нить, потому что иной голос, вполне нормальный, хотя и плохо слышимый, произнес над его ухом:

– Гравитационный «квантокомб», – или что-то вроде того, очень трудные были слова, чтобы сразу запомнить. И дальше будто в молитвенном трансе: – Квантовый комбинезон. Да. «Квантокомб». Гравитационный. Да. Автономный «квантокомб». Да.

Тиму и поворачиваться не пришлось, чтобы догадаться – с ним говорил Фавн. Неужто у старика опять случился приступ? Ах, как некстати! Он решил – не стоит отвлекаться по пустякам, с Фавном еще успеется. Да и нужно ли? Пока же Тим, не отрывая любопытствующего взгляда, внимал Радетелю, усилием воли заставив вслушиваться в его наставление, по-

прежнему звенящее звуками, что пронизывали все насквозь и вызывали в глазах вспыхивающую черными точками рябь, от которой кружилась голова. Тима не нарочно зашатало. Но ненадолго и скоро прошло.

Кажется, теперь речь шла о том, что все должны быть внимательными друг к другу, поощрять и уважать чужую свободу, а главное, какие молодцы жители поселка «Яблочный чиж» оттого, что особенно заботятся о своих детях. Наверное, в иных далеких поселках дело с этим обстояло не столь хорошо, решил про себя Тим, хотя, подумаешь, заслуга! Дети маленькие, о них все заботятся, это нормально. Но тут Радетель с высоты Колокольни простер, о нет, совсем не руку, а мерцающий и дрожащий пурпурный луч, будто указывал на что-то или на кого-то. Все обернулись посмотреть. Позади, у края Соборной площади, стоял мальчик. Белокурый, невысокий, в ярко-рыжих штанишках с подпалинами и такой же курточке и вот-вот собирался зареветь. Мальчик был чужой, не из их поселка. А голос продолжал греметь. О том, что Радетель надеется на их любовь и сердечное внимание, и что кто-нибудь достойный примет малыша в свою семью, и оделит лаской, и уютным домом, и всем положенным свободному жителю такого славного поселка, каким безусловно и заслуженно считается «Яблочный чиж».

В появлении светловолосого мальчишки ничего необыкновенного не было. И прежде уходили и приходили по обмену, точно так же возникая и исчезая во время общих благодарственных молений. Но никогда подобное переселение не сопровождалось прибытием Радетеля и уж, конечно, никто ни за кого не просил. Это было из ряда вон вопиющим событием, и каждый на площади, может, и не осознавал, но несомненно чувствовал – происходит что-то неправильное, что-то, чего не должно случаться, что-то, выделяющее вновь прибывшего малыша в некоторую лучшую часть. Это было нельзя, это было против завета, и все же оно было, оно присутствовало в громогласных речениях Радетеля, хотя об этом и не говорилось прямо. Толпа на Соборной площади замерла, ни единый человек не двинулся с места, так все оказались поражены. А у мальчишки из округлившихся от страха жемчужно-серых глазенок уже потекли слезы. Но ни одна участливая рука не протянулась, ни один сочувствующий взгляд не подбодрил новичка. Не из умышленной жестокости, в любой иной раз парнишка оказался бы нарасхват, однако не сегодня. Поселок пребывал в ступоре, «Яблочный чиж» в полном составе не верил своим ушам. А мальчуган продолжал реветь. Тут Тим не выдержал. Мало ли что кому кажется! Справедливо или не справедливо! Он подбежал к ребенку, схватил того за влажную ладошку, немного резко, но так уж вышло, и потянул к себе. Тим и сам не знал, чего это на него накатило, зачем он, не достигший полной зрелости, лезет не в свое, взрослое дело. Но было поздно. Поэтому, обращаясь больше к Колокольне Времени, чем к стоящему на ней Радетелю, он закричал вверх:

– Я беру его к себе! – и сразу же оговорился: – Я и мой отец берем его к себе!

Мальчишка посмотрел на него, на мгновение раздумав плакать, но не окончательно, а словно бы выжидая – стоит или не стоит продолжать?

– Как тебя зовут? – Тим улыбнулся сироте насколько мог дружелюбней, одновременно роясь в кармане просторных штанов – не завалилось ли какой ерундовины, чтобы подбодрить нового названного брата.

В кармане было пусто, но, кажется, белокурый мальчик догадался о его намерениях и потому достаточно смело улыбнулся в ответ:

– Не помню, – и затряс кудрявой головенкой. В свою очередь спросил: – А тебя как?

– Меня – Тим, – он ответил не задумываясь, мысли его в этот миг отлетели в иные дали.

Как это может быть на свете, чтобы кто-то не помнил собственного имени? И не такой уж маленький этот белокурый мальчик! Странно и необъяснимо. Обычно прибывшие по обмену, вот как Яго, например, понятия не имели, как попали из одного поселка в другой. Просто уснули на миг и очнулись уже в ином месте. Но чтобы не помнить своего имени, не было такого!

– Его зовут Нил, – прогрохотал голос с Колокольни. – Нил из селения «Разбитого сердца», – еще раз прогремело сверху.

Никогда доселе Тим не слыхивал, чтобы поселку кто-то захотел дать столь безрадостное название. Но ладно, мало ли какие у тамошнего Радетеля порядки. Из поселка с таким именем он бы и сам ушел куда подальше, надо же – «Разбитое сердце»!

Тим не заметил, как к ним подошел его отец, как встал немного позади, довольно кивая в знак согласия, с хитрым видом, будто бы не кто иной, как он сам, подучил своего сына поступить столь вызывающим образом. Тим очнулся лишь, когда рядом с ним невесть откуда возникла Аника и бережно взяла мальчишку за другую потную ладошку. И в свою очередь прокричала вверх:

– И я! Я тоже! Буду заботиться о нем! – и посмотрела на Тима.

Взгляд ее, такой небесно-голубой, что аж захватывало дух, говорил ему: «Мы все равно будем скоро как одна семья. Ты не забыл и не передумал? Поэтому я здесь, я с тобой». Как он-то мог забыть или передумать? Что же, зато у Нила теперь есть не только брат и отец, но и красавица-сестра. Значит, все устроилось. Вокруг захлопали. Не в честь Радетеля, а на сей раз для них четверых. Так поселок «Яблочный чиж» выражал свое одобрение.

А после случилось немыслимое. То, чего никак не могло быть. Самые старые жители поселка, которые помнили еще замшелые побасенки своих дедов, наполовину вранье, наполовину воронье карканье, и те не рассказывали о подобных вещах.

Радетель спустился с Колокольни Времени. Плавно неся себя по воздуху, как будто земля не тянула его книзу, как будто не было у земли никакой власти над ним, да и как ей быть, если сами Радетели и создали землю? Он опускался чинно и медленно, вовсе не летел стремительной птицей, невозможным образом как бы сходил с небес из величайшей милости, а так оно всеми и считалось на самом деле. Радетель едва коснулся травы и замер неподвижно на месте совсем близко от Тима, и трава нисколько не примялась под ним, лишь встрепенулась от чуть заметного порыва. Потом Радетель заговорил. Уже не так громоподобно, а словно многократное эхо отражалось от невидимых стен, что порой случалось в Зале Картин, хотя там-то стены были как раз настоящие.

Тим плохо запомнил сказанное. Да и запоминать, собственно, было нечего. Какой он молодец, и как прекрасен его поступок. (Подумаешь! Только и пронеслось в голове у Тима.) И опять, что он, Радетель, надеется на него, и пусть мальчику Нилу живется хорошо. (С чего ему будет вдруг жить плохо? Снова мимолетной тенью мелькнуло у Тима в уме.) Отец кивал в такт словам, как заведенный игрушечный «домовой», важно, но и с опаской. А Радетель – неужто и такое может быть, не поверил в первый момент Тим? – медленно и торжественно возложил руку на правое плечо Тима. Ну, не руку, конечно, но ту блестящую штуку, которая у него выступала вместо руки. Каждый в поселке знал – именно этот жест и есть самый высший, безмолвный акт доверия одного человека другому. А тут даже не человек, но много, много больше человека, сущность, вообще не соизмеримая с ним. Однако Тим почувствовал отнюдь не гордость, о нет – резкий холод, будто бы на плечо его положили кусок льда, по телу волной пробежал щемящий озноб, какой не охватывает и в зимнюю стужу, словно бы рука Радетеля отнимала его тепло неотвратимо и до последней капельки. Его снова зашатало, во рту стало невыносимо горько, взор его заволокло непроницаемым мраком, Тим будто бы долго падал куда-то. Но не упал. Наоборот, лед также внезапно исчез с его плеча, и сразу отступил холод, и вернулось назад все тепло. Радетель убрал свою руку. Он перестал говорить. Казалось, он смотрит вокруг себя, хотя это только казалось – у Радетеля ведь не было глаз, но все равно и несомненно, видеть он мог. Потом он взмыл вверх, обратно на Колокольню Времени с невероятной скоростью, совсем не так степенно, как нисходил на землю. На прощание голос его прогремел еще раз, произнесенного было нельзя разобрать, звук существовал на пределе того,

что может вынести человек. У каждого в поселке от этих громоносных раскатов словно бы приключилась полная и черная слепота.

А когда все вновь прозрели, никакого Радетеля на Колокольне Времени уже и не было. Но жители, будто бы сговорившись, продолжали смотреть ввысь, на то место, где вот только что парила переливчатая зеркальная фигура, и тишина кругом стояла такая, что слышно было, как растет трава под ногами. И как летний ветерок колыхнет лазоревую занавеску на раскрытом окне тетушки Ир, и как тот же ветерок теребит водную гладь реки, и как попискивает хитрая мышь на веранде Эда-«певуна», и как проворный паук-сенокосец скользит по земляничному листку.

Мальчик Нил нервно дернул своего нового братца Тима за край праздничной, белой рубахи, выбившийся из штанов, мол, ну что же ты? Или забыл обо мне? Тим опомнился и перестал слушать ветер.

– Сейчас, сейчас, – затвердил он торопливо, – сейчас.

Аника уже ерошила мальчишке волосы, всю хихикала и обещала после обеда отвести его в Зал Картин, чтобы Нил непременно посмотрел историю про малышку Мод и босяка. Нил, судя по всему, ничуть не возражал. А тут еще подбежала к ним тетушка Зо, и давай щипать парнишку за пухлые щечки, и приговаривать, какой он сладкий да хорошенький, так бы и съела его вместо кленового повидла. Нил счастливо засмеялся. Тетушка Зо ему определенно понравилась. Кажется, он уже напрочь позабыл и слезы, и свое не вполне нормальное прибытие, и вообще, оранжевый час еще не успел закончиться, как мальчуган начал воспринимать происходящее вокруг него как самую лучшую и естественную вещь на земле. Все шло само собой и без дальнейшего вмешательства Тима. Стало быть, у него вполне есть возможность отлучиться на некоторое время, даже и до обеда. Парнишка освоится и без него. Тем более у Тима имелось одно неотложное дело.

– Я сбегая кое-куда, ненадолго, – он вопросительно посмотрел на отца.

– Коли нужно, так сбегай, – добродушно согласился тот и потом уже не обращал на Тима внимания, наклонился с ласковой усмешкой к мальчугану Нилю: – Выходит, теперь ты мне тоже сынок, ну и ну! Вот есть в нашем доме одна комната, и в ней прозрачный потолок. Игрушек там можно держать видимо-невидимо, еще и место останется. Ты как? Хочешь посмотреть? Понравится, значит, твоя будет?

Нил от радости аж запрыгал на одной ножке, хотя не слишком уж он был и маленький. Но старая детская комната Тима того стоила. Для парнишки в самый раз, – подумал он. А что, если показать ему книжку? Не сейчас, конечно, когда еще немного подрастет. Вдруг ему станет интересно? Хорошо все же, что он так неожиданно нашел себе братишку, пусть и младшего.

Он стоял и смотрел вслед удалявшемуся отцу, который заботливо держал за руку непоседливого Нила, и как они вместе шли к дому. А за ними по пятам и тихо беседуя промеж себя – Аника и тетушка Зо, и мать Аники, тетушка Та, тоже вызвавшаяся помочь с устройством нового жилья. Да и чего там хлопотать, будто «домовой» без них не знает, что нужно делать? Зато «домовой» не зацелует мальчишку до потери сознания, и может, это самое целование и есть наиглавнейшее обустройство? Вообще, с чего он взял, будто три женщины непременно должны говорить о новом его братишке? Скоро ведь праздник Короткой Ночи, и наверняка они теперь обсуждают каждая свой рисунок для песочного каравая, который станут лепить на первый приз. Вот только какого разэтакого он, Тим, застыл на одном месте и пялится им вслед, когда его ждет дело! И Фавн уже довольно далеко ушел, хорошо еще, он старый, потому догнать его выйдет легко. Тим побежал.

Фавн шел к реке, но направлялся не к резным, затейливым мосткам для купания, где сейчас вышло бы особенно людно, – после собрания многим захотелось поплавать вволю, освежиться, покурлесить в воде, а заодно на все лады обсудить произошедшее. И еще не один день

будут обсуждать, может, до Тимовых седых волос, такое событие! Сам Радетель, да к тому же руку на плечо! Было бы за что, конечно. А то ведь ерунда, вчерашнего сна не стоит!

Он догнал Фавна, прежде чем старик свернул к дальнему причалу с лодками-«самоходками». Это как раз для него – молодежь ведь ими редко пользуется. Неинтересно это: сидишь себе, а тебя везут сначала вниз до речной границы, а после таково же вверх, туда-сюда. Не успеешь оглянуться, уже задремал под мерное и неторопливое скольжение. Куда лучше на округлых ладьях с двойными веслами, и соревнование устроить можно, и сразу видно, кто ловчее и лучше умеет выгребать против течения. Но Фавн, само собой, слишком уж стар для подобного развлечения. Соснуть часок-другой на воде, вот это по нему. Хорошо еще, что не успел он взять лодку, иначе нипочем бы Тим до него не докричался. Фавн, он такой. И не потому, что слышит плохо, а только кто же станет его звать? Кому он нужен? Вот и не обратит внимания.

– Это снова я, – выдохнул Тим в спину старику, воровато оглянувшись по сторонам, будто бы испугался чего-то. Смешно даже, чего ему бояться! Или кого. Да и приветствие вышло неумным. Можно было подумать, что расстался он с Фавном не вчерашним днем возле Лечебницы, а только что. Впрочем, и это отчасти верно, разве не прозвучали те загадочные слова над самым его ухом в оранжевый час?

Но тогда нужно было бы признать, что Тим их услышал и запомнил со вниманием, а это получалось странным – к чему бы ему стариковский бред? Выходит, и к чему. Полно-то врать! За тем и шел за Фавном, чтобы как-то навести того на разговор.

– Привет тебе, Тим, – равнодушно отозвался старик, ничуть не остановился и не оглянулся. Лишь повторил на иной лад: – Это снова ты, – и не удивился нисколько.

– Спросить хотел, как твоя голова? Не болит больше? Уж извини, не зашел проведать, – вот уж глупость, так глупость, с чего бы Тиму заходить проведывать? Да и какой в том толк? Что, он «колдун», что ли? И чем может помочь? Хотя доброе слово всякому иметь на сердце приятно. Но это за исключением Фавна – тому всегда было до ночных фонарей, заботится о нем кто или нет. Может, оттого его и сторонились. Что же, всякий волен выбирать, как ему жить, лишь бы другим не мешал.

– Голова-то? Да. На месте пока, – то ли это шутка, то ли всерьез так сказал, поди пойми. Однако Фавн замедлил шаги, будто собираясь остановиться. А значит, давал знак – Тим может спросить или сообщить еще что-нибудь, он, Фавн, не возражает.

Вот только что? С тем ведь и шел следом, чтобы о здоровьишке осведомиться. Сам себя уговорил, чтоб за тем пойти, ну так ведь и узнал. Голова, говорит, на месте. Чего еще спрашивать-то? Или Тим думал и ждал – ну как начнет Фавн ему расписывать, отчего лечил его «колдун», да что при этом сказал, да что после было? В поселке старшие за каждым синяком так-то в Лечебницу бегали, а потом друг дружке рассказывали с подробностями. У каждого своя история имелась в запасе по этому поводу, и большая часть из них беззастенчивое вранье. Как «колдун» лазил холодными ростками-зондами внутри, ажно все леденело, и как страшно было, и как из ноздрей и ушей валил пар, напридумывают чушь, некоторые из ребятишек или совсем молодых верят. До поры, конечно. Пока сами не попадут однажды «колдуну» в руки, то бишь в блестящие его щупальца. И Тим попадал. Когда объелся с куста ранних смородиновых ягод и когда заснул почти голышом на спелом, жарком солнце. И ничегошеньки не страшно. Щекотно немного и еще раздражительно, потому что «колдун» не только лечит, но и ворчливо читает тебе наставление, зачем полез, куда не надо, и отчего, дурак такой, тащишь в рот всякую гадость.

Ну, про Лечебницу и здоровьишко, ладно, вроде поговорили. Дальше-то как быть? А дальше – лучше напрямую. Тим законы не нарушает. Ни в одном из заветов не сказано, что есть вещи, о которых говорить нельзя, коли другая сторона не отказывается слушать. А Фавн не отказался. Правда, он еще не знал, чего Тим спросить-то хочет. Вот как раз и узнает. Не пожелает отвечать – его дело. Хотя вчерашние две елочки не просто так взяты. Может, припомнит.

Одна явно лишняя была. Корыстно, конечно, и стыдно, со стариком-то, но ничего не поделаешь. Даже удивительно, сколько у самого Тима в голове накопилось, за что надобно стыдиться и о чем надобно молчать. Может, и ему давно в Лечебницу пора, пускай «колдун» его поправит. Чтоб не задавал ненужных вопросов и не ждал на них непонятных ответов. Только не хочется Тиму этого, никак не хочется. В том-то и беда. Ну уж давай, коли начал. Фавн коситься стал – ишь как зыркает серебристым глазом!

– Я-то вот зачем, эх-ма! – не слишком складно начал Тим, да и как тут выйдет складно! – Я узнать хотел – чего ты мне шептал сейчас на площади. Когда Радетель (да пребудет Он во веки веков!) на Колокольне засверкал и речь свою говорил. Я не понял ничего, ты уж объясни. Слова больно незнакомые.

И тут произошло невероятное. Такое, отчего Тим сперва растерялся. А после не поверил. Потому как не мог он в это поверить. Чтоб один человек разговаривал подобным образом с другим человеком. И не разговаривал даже. Какой там разговор. Фавн побагровел вдруг и весь, и лицо его, что с детский кулачок, и сморщенная шея. Зашипел, будто масленичный праздничный блин на сковородке у «няньки», одна и разница, что злобно и как бы света дневного невзвидев:

– Какие тебе еще слова, ах ты кошенек! И думать об этом забудь! Пошел прочь! Ах, голова моя! Не знаю я ничего! Пропади все пропадом, – да еще плюнул наземь. Плевок тот угодил на сиреневый куст у дорожки, Тиму стало противно. А Фавн все шипел: – И не ходи за мной. От греха, не ходи! Зашибу не то!

Это была угроза, Тим понял сразу, хотя ни разу в своей жизни не слышал угроз. В смысле от чужого человека не слышал, не от отца родного или от Аники. Впрочем, то не настоящие угрозы были, по-настоящему угрожать могли лишь три завета. Так, отшлепать за проказу, и то одними выговорами чаще всего и заканчивалось дело, ну иногда не пустить в Зал Картин – это когда на отцовскую постель натащил он жаб из пустого баловства только. Или Аника грозилась уйти домой или к соседской компании, когда они с Симом, слишком расшалившись, брызгались водой или швырялись тиной на речке. Но у него все еще звучало в ушах невозможное: «Зашибу не то!». И никакой гром не поразил на месте Фавна. И никакой «железный дровосек» не ухватил и не потащил для наказания. Вон их две штуки копаются неподалеку, чистят песчаные белые дорожки. И небо не слышало, и солнце. Неужто Радетели не слушали тоже? Выходит, что нет. Значит, Тиму надо донести? Он знал, как это делается. Всякие жалобы или просьбы сообщаются любому из разноцветных шаров, хоть желтому, хоть синему, какому угодно из тех, которые каждый вечер выползают из своих подземных нор – только покажи знак «скрещенные пальцы», и он тут же подлетит к тебе. И ты ему шепчи. Хочешь, поодиночке, хочешь, хором, можно и всем поселком. А дальше – на усмотрение. Кого? Радетеля – правителя здешних мест, наверное. Но ничего Тим шептать в ночи не будет. Он уж знал. И не потому, что простил Фавна. Нечего было здесь прощать. Он понял внезапно: старик не всерьез угрожал ему, а лишь хотел отвадить прочь. От чего-то такого, что могло плохо закончиться для него, Тима. А может, просто испытывал его. Фавн, он и мухи не обидит. Даже кошку и ту не решается приручить – жалко звериную свободу, а ведь кошки как раз не против. Ох, тут думать и думать! Книжку, что ли, посмотреть еще раз? Отчего он сразу не сообразил! Надо непременно показать «Азбуку» Фавну. Вдруг и он поймет в ней чего.

А сейчас он пойдет домой. Хватит доставать старика. И Нил ждет. Ну, может, и не слишком ждет, но что обрадуется новый братишка, это в облаках не лови! Надо же, братишка. Теплое слово какое, хорошее. Да, он же не знает про картинки на потолке! Тим и покажет. И как включать, и как изменять, и как придумывать новые. Мысль о том – он может научить кого-то чему-то, что знает сам, невольно обрадовала его.

Игнатий Христофорович, Гортензий и Амалия Павловна

Комната завертелась, соединив стены, словно обрезанные ровно крылья, и отступила на шаг в полутьму. Игнатий Христофорович закрыл глаза – пяток минут у него, во всяком случае, есть. Бессонная ночь в его возрасте уже не проходит бесследно. А здоровый отдых становится неотъемлемой необходимостью. Хотя все это, конечно, сущие пустяки. Психологическое равновесие в его годы уже теряет свой смысл. Устаешь от всего, даже от забот о себе самом, что и вообще-то последнее дело. Да и с пятиминутным погружением затея пустая. Сейчас прибудет Амалия, застанет его в таком виде и начнет пилить: зачем он не щадит свое несчастное тело – всех великих проблем до смерти все равно не решить и все идеи не передумать, а вот как раз преждевременную кончину на свою голову накликают не надо.

Так и есть. Отрывисто прозвучало в полной тишине уснувшего дома хлопотливое воззвание к «лаборанту» – беда с этими суспензионными управляющими! Прежние полимерные были куда лучше! По крайней мере, не в свое дело не лезли. Будто бы он и без «лаборанта» не знает, как ему жить правильно! Ведь был же приказ – отзываться только на его голос, а уж подчиняться безусловно одному хозяину. Так нет, чертов ИК, тоже мне – Искусственный Когитатор, который мыслит, хотя и не существует! Разломать его к печкам-лавочкам! Зачем он Амалию-то слушает? А потому что из всех зол выбирает для своего повелителя наименьшее. В общем-то, «лаборант» прав. Ему давно уже противопоказаны экстренные психокинетические погружения, но предписан полноценный восьмичасовой сон, причем на водяной кровати, отнюдь не на краю опытной тумбы-вивария.

Кабинет засветился неоновым светом плавно, не резко. Хорошо хоть Амалия пощадила его, не стала возвращать к реальному бытию посредством барочной музыки – он Вивальди уже слышать не может. Ни осень, ни лето, ни аллегро, ни престо. Архаика, а до чего же раздражает.

– Игнаша, ну нельзя же так! – раздался с порога недовольный басовитый голосок, странноватый для столь хрупкой и утонченной дамы, но Амалия вся и сплошь состоит из контрастов, ими и дышит, когда не впадает в крайности.

Игнатий Христофорович привел магнитное кресло в вертикальное положение. Вот и погрузился! Отпогружался, можно даже сказать! Да-с!

– Ты присаживайся, милая моя, – почти нежно ответил Игнатий Христофорович, по опыту зная – с Амалией только так и надо. Главное не возражать, говорить покорно и ласково, ни в коем случае не провоцировать ее участливое материнское начало.

– Нас будет всего трое? Или подождем Карлушу? – куда более спокойно спросила Амалия, сбросив тем временем нарядные туфли и вытягиваясь в состояние «полулежа» на его любимой козетке – антикварная вещь, эпоха постоянных форм, а какая красота! И Амалия на ней тоже красива. Огненные янтарные глаза горят на белом, словно кохинхинский рис, продолговатом личике, в противовес волосы черные, как межзвездная пустота, и такие же непроглядно густые.

– Карл не прилетит. Пишет новую вещь, просил ни за что не отвлекать. Говорит, мы маемся ерундой, к тому же вся затея – якобы против моральных установлений. Его, разумеется, не наших. Но в основном он не верит. Ну подумай сама, при чем здесь вера? Как будто молекулярная съемка может обманывать? И потом ни ты, ни я, ни тем более Гортензий никогда не отличались страстью к преувеличениям. Отсюда вывод – разбираться придется нам втроем, – Игнатий Христофорович засопел натужно носом. Вся ситуация в целом его тоже нисколько не радовала.

– О Гортензии ты лучше помолчи. Он от природы потребитель класса экстра. Его вообще радуют такие вещи, которым мы с тобой и значения не придаем! – рассердилась вдруг Ама-

лия. – Я себя чувствую рядом с ним доисторическим экспонатом, старой бабкой в платочке и с кошелкой. Нет, с лукошком. Или с котомкой. Как правильно будет, Игнаша?

– С лукошком. Для тебя, по крайней мере. И потом что ты хочешь? Молодому человеку только пятьдесят один год. Нельзя же требовать, в самом деле, чтобы он перестал изумляться окружающему его миру? – напомнил он Амалии.

– Пусть изумляется сколько хочет! Но зачем же сопровождать сей процесс столь многими разрушениями и неприятностями для людей, ему близких? – в голосе Амалии загрохотали возмущенные басы, но в действительности она нисколько не сердилась. Гортензий ей нравился. – Кстати, а где, собственно, он есть? Впрочем, страсть к опозданиям всегда числилась в его недостатках.

Тут пороговый блок пропустил в сияющий зеленоватым неоном кабинет Игнатия Христофоровича еще одну фигуру. Долговязую и длинноволосую. А если приглядеться повнимательней – то и излишне длинноносную.

– Собственно, он есть тут! Приветствую сию обитель «Пересвет», ее дражайшего хозяина и его не менее дражайших гостей, иначе гостью! – насмешливо сообщила фигура звенящим голосом Гортензия, затем художественно присвистнула и выдала: – Ах, Амалия Павловна, Амалия Павловна! Куртизанка Нинон де Ланкло отдыхает после трудов праведных. Я-то всегда считал вас порядочной женщиной! А тут такой соблазн! Позвольте ручку!

– Негодник, какую вам еще ручку? – возмущенно забасила с антикварной козетки хрупкая Амалия, однако совсем даже не обиделась на злопыхательствующего шутника.

– Тогда позвольте ножку! Раз уж ручку вам так жалко, – продолжал глумиться Гортензий, косясь одновременно в сторону хозяина дома – не возражает ли? Игнатий Христофорович нимало не возражал.

Шутливая перепалка длилась еще пару минут. И пусть. Рассудил Игнатий Христофорович. Дальше все равно ничего веселого не ожидается. Пока же Гортензий резвился, а огнеглазая Амалия ему нарочито строго отвечала, сам он думал. Не совершают ли они ошибку, пытаясь нынче разрешить задачу за спиной, так сказать, лица, ее поставившего. Но в том-то и дело, что оное лицо наотрез отказалось участвовать в обсуждении как задачи, так и себя самого, что вообще-то было на сей раз равнозначно. И это настораживало еще больше. Нет, даже убеждало, что его, Игнатия Христофоровича тревога основана не на беспочвенной предпосылке.

Наконец Гортензий устроился на осевшем под его весом пухлом, ажурной отливки ковре «сам-хоросан», вечная его манера – разлечься на полу и взирать на окружающих лениво снизу вверх или вообще не смотреть. Красив по-своему, этакий вождь краснокожих, только перьев в прическе не хватает. Вылитый североамериканский индеец эпохи Ирокезского Союза Пяти Племен, игра природы, забавно, откуда такая чистота этнического типа по нынешним-то временам? Теперь он разглядывал противоположный настенный рисунок, важно поводя длинным, грозно очерченным носом из стороны в сторону, словно бы ловил в воздухе неизвестные и неэстетичные ароматы. Пахло в рабочем кабинете Игнатия Христофоровича всегда однообразно – сандаловым деревом и мятой, поэтому можно было предположить, что не в запахах заключалось дело.

– Сколько раз к вам ни захожу, все время одно и то же. На этой стене во всяком случае, – вяло кивнул Гортензий в направлении рисунка. И все трое поняли – разговор, ради которого они здесь собрались, начался. Хотя и своеобразным способом. – Что же, это доставляет вам удовольствие, Игнатий Христофорович? Я без задней мысли, кстати, спросил.

Настенный рисунок, противоположный рабочему месту Игнатия Христофоровича, изображал подопечный ему поселок «Беспечная малиновка» в день празднования Свадьбы Старшего Сына, чьего неизвестно. Да это было и неважно. Совершенно. Фигуры на рисунке неторопливо двигались в замедленном действии, чтобы можно было рассмотреть процессию в подробностях, если кому придет такая охота. Обычно же охотников не находилось, за исклю-

чением самого Игнатия Христофоровича. Скучно это. Да и ни к чему. А кое-кому и неприятно. Чтобы не сказать большего.

– Удовольствие, милый Гортензий, здесь совершенно постороннее, – веско заметил хозяин дома и кабинета. – Все дело в ответственности. О коей нужно помнить. И непрестанно. Раз уж взвалил оную на себя. Впрочем, вы сами понимаете, хотя и делаете вид... иначе зачем бы вы... Зачем бы вы обременили себя этой ношей, да еще в столь раннем возрасте?

– Ну, я другое дело, – отмахнулся Гортензий, причем в буквальном смысле – замахал у себя перед носом узкой, приятно-женственной рукой с длинными лиловыми ногтями, будто бы отгоняя назойливое насекомое. – Никак не могу избавиться от визуализации ощущений. Это все Григорян со своими опытами, – пожаловался он.

Амалия не упустила случая ехидно уколоть своего любимца:

– А вы, разумеется, вызвались добровольцем? Имейте в виду, Игнаша затевает эксперимент по нейронной вивисекции. Так, может, предложите свою кандидатуру? Чтобы он, бедняга, не мучился с полимерными симуляторами. Ощущения будут незабываемые, это я вам гарантирую!

– О, моя жрица неопределенного возраста! Почто вы столь жестоки к пытливому уму? – посетовал с пола Гортензий, изображая из себя оскорбленную невинность.

Все трое засмеялись. Но как-то несмело и будто бы опасаясь спугнуть нечто важное, что незримо витало в переливающейся зелеными всплесками, прохладной комнате.

– Викарий, любезный, я бы попросил вас включить. Последний серийный «баскет», с самого начала, – призвал Игнатий Христофорович своего «лаборанта». Зачем он обращался столь выпендренно к существу неодушевленному, он и сам не понимал. Наверное, все дело в воспитании. Любое нечто, обладающее высокоразвитым интеллектом, пусть даже не обладающее личностью, его носящей, имеет право на некую долю уважения. – И вот еще что. Сопереживатель не подсоединять! Нам нужна чистая картинка.

Посредине кабинета немедленно вспыхнул столб абсолютно белого света. Все приготовились смотреть. Белоснежный всплеск распался на радужные соцветия, и вот уже по центру развернулось объемное действие, отображающее реальные события в масштабе примерно один к пяти.

– Как называется сие место? – прозвучал высокий голос Гортензия будто бы за кадром.

– «Яблочный чиж». Владение за № 28593875-бис. У Агностика оно единственное. Смотрите внимательно, – ответил ему Игнатий Христофорович. Сам он взирал на происходящее вполглаза. Давно уж знал наизусть, оттого и не спал всю последнюю ночь. Да что пользы?

В четком цилиндрическом луче как раз происходили ключевые события. Какое-то темноволосое, довольно юное существо держало за руку малыша Нафанаила, а тот, выпучив до отказа муаровые глазенки, наблюдал за дурацким поступком Агностика, сходящего вниз с парашюта атомного регулятора, на манер архангела Гавриила, слетающего к Пречистой Деве.

– Вот сейчас, будьте внимательны. Это черт знает что! Это вопиющее самодурство! Он чуть не угробил доверчивую особь – подростка! Надо же додуматься, в допотопном «кванто-комбе» прикасаться к живому существу! Тоже мне, нашел маскарадный костюм – еще какая-то пара секунд, и энтропия достигла бы критического уровня! – Игнатий Христофорович прокомментировал происходящее чересчур горячо и для себя неуместно, но уж очень возмутило его поведение Агностика. – Я, конечно, все понимаю. Столь огромное несчастье, – сказал он уже куда тише, будто одумался и ощутил неловкость от своей гневной вспышки. – Однако нельзя же так! Ведь есть же общие договоренности! А если это приведет к дестабилизации?

– Да бросьте вы, Игнатий Христофорович! Какая там дестабилизация? Они на следующий день уже все позабыли. А еще через неделю событие обрастет легендами. О статусе Нафанаила никто даже не вспомнит, – Гортензий опять замахал обеими руками перед собой. Визуализация ощущений давала о себе знать.

– О нет! Поверьте мне, вы очень ошибаетесь. Вольер помнит все слишком хорошо и слишком долго. К нашему с вами несчастью. Поэтому никому и не рекомендуется выходить за принятые конвенциональные рамки. Особенно таким вот способом, – Игнатий Христофорович указал проникновенным жестом в сторону цилиндрического изображения.

– Так это же Агностик! Когда это он следовал общепринятым конвенциям? И вообще, его владение находится в таком информативном небрежении и, я бы сказал, в заброшенности, что только диву даешься! Не с чего в нем быть дестабилизации, – самоуверенно хохотнул Гортензий и схватился левой рукой за запястье правой, чтобы на сей раз не допустить беспорядочных взмахов.

До сей поры напряженно молчавшая Амалия вдруг вмешалась, и очень Игнатий Христофорович был ей за это благодарен:

– Господа, одумайтесь! Ну при чем здесь Вольер! Пропавши он пропадом, я извинюсь... Ему же плохо! Нашему с вами близкому человеку плохо! Разве вы не понимаете? Вот в чем все дело, – Амалия запрокинула голову – тяжелые косы скользнули с козетки на светящийся пол – и сказала в потолок: – Викарий, голубчик! Выключи эту гадость!

«Лаборант» убрал изображение, белый свет погас. Но и того, что все трое увидели, было куда как достаточно. Игнатий Христофорович заговорил первым, будто бы упрекая, но вполне отеческим тоном. Как ему и полагалось по умудренному старшинству:

– Амалия, милая, пойми меня правильно. Я ни в коем случае не умаляю значения добровольной взаимопомощи. Но когда об этом просят! Понимаешь? Простят! Агностик же ничего подобного не хочет. Не хочет, чтобы ему помогали, и все тут. Он всегда был этически неуравновешенной личностью. Так вот... – Игнатий Христофорович сделал умышленную паузу, чтобы придать значимость следующим своим словам: – Имеем ли мы право вмешаться? Насколько мы имеем это право? И выйдет ли с того хоть какая польза? Если бы дело не шло о Вольере, я бы, собственно, нимало не расстроился. Паламид Оберштейн, которого все так лихо и заглазно называют Агностиком (кстати, попробовали бы сказать ему это в лицо), никогда не был мне симпатичен. Хотя я и сочувствую его бедам.

Игнатий Христофорович не довел до конца свою филиппику, которой уже и стыдился, как его перебил нетерпеливо Гортензий:

– А я вот решительно не понимаю, в чем тут беда? Неприятно, конечно. Но это же обычная вещь. До сих пор относительно редко встречающаяся. Нафанаилу там куда лучше. Даже и не лучше – Вольер единственное место, где он может полноценно жить.

– Дорогой мой, а я не понимаю, как вы не понимаете! – вмешалась со своей козетки Амалия. – Дело не в единственном месте, как вы выражаетесь. Нафанаил – все, что осталось у него после гибели Светланы. Других детей не было. И теперь уже не будет. Агностик – однолюб. Редко, но встречается – по вашим словам. Говорю вам, он словно бы свихнулся, когда его сын не прошел даже простейшего отборочного теста!

– Уж не преувеличиваете ли вы, прекрасная Амалия Павловна? – недоверчиво снизу вверх покосился на нее одновременно и носом и глазом Гортензий. – Были ведь случаи, когда из Вольера возвращались обратно. Не на моей памяти, но были!

– Не на сей раз. У Нафанаила все безнадежно, дальше некуда. Настолько, что бессмысленно было еще ждать положенные два года. В его обстоятельствах чем раньше свершится переход, тем лучше. И отец вряд ли впредь с ним увидится – Агностика совершенно невыносимо лицезреть своего единственного ребенка в Вольере. Тем более ребенка Светланы. Так можем ли мы осуждать его за некоторые нарушения конвенциональных соглашений?

В кабинете повисла напряженная тишина. Каждый из них таил за душой свой ответ, и каждый опасался высказать его первым. Не потому, что поймут неправильно. Такого просто не могло случиться. Но оттого, что мысли, облаченные в слова, имели опасность стать осязае-

мыми. Не в прямом значении обрасти плотью, однако их уже нельзя будет взять назад. И все последующие действия и решения попадут в зависимость от высказанного нынче вслух.

Первым осмелился нарушить молчание опять-таки Игнатий Христофорович, от него этого ждали, а он не привык обманывать надежды окружающих его людей.

– Я не хотел говорить. Точнее, не хотел напоминать тебе, Амалия. Вы же, Гортензий, понятия о том не имеете за ранней свежестью лет и слишком коротким сроком пребывания в наших местах. Так вот... Владение за № 28593875-бис не обычное рядовое. То есть поселок как поселок. За исключением одного обстоятельства. Именно в «Яблочный чиж» по решению общего голосования средневропейской полосы был заключен некий Ромен Драгутин. С полным лишением памяти личности.

Огнеокая Амалия охнула, неловко приподнялась на локте, мрачные ее косы змеями скользнули по обнаженной напряженившейся руке. Гортензий переводил недоуменный взгляд с одного из своих собеседников на другого, и ничегошеньки не понимал и не припоминал. Но и ему стало вдруг тревожно. Ну почему всякий раз, когда дело касается Вольера, от этой проклятой тревоги никак не избавиться? Почему нельзя воспринимать спокойно, вот как заведено у него...

– Не может быть! – выдохнула, наконец, Амалия, словно бы что-то мешало ей произнести это раньше, словно бы холодный и колючий ком запечатал молчаливым удушьем ее нежное горло, и вот теперь лишь звукам удалось пробиться наружу. – Не может быть! – повторила она немного нараспев, будто бы сомневаясь до сих пор, что в состоянии говорить.

– Может, милая, может! – Игнатий Христофорович как бы в раздумье потер рукой плохо выбритый острый подбородок. – Я ведь человек строгих фактов. Я перепроверил, прежде чем стал утверждать. Ромен Драгутин – владение № 28593875-бис. Иначе «Яблочный чиж». Это было еще при жизни матери Светланы. Она и предложила тогда добровольно, святая была женщина. Хотя и знала, что скоро уйдет в дальний поход и что дочь ее не откажется от обязательства. Но, вероятно, никто другой не захотел связываться с таким владением, и девушке пришлось поневоле. Они с матерью очень любили друг друга. И все равно, эта любовь ни одну из них не остановила.

– Как же так? – неподдельно изумилась Амалия. Она закусила прозрачными, как перламутр, зубами конец длинной косы, словно бы опасаясь, что может не сдержаться и перейти на крик. Отдышалась. – Неужели Агностик не знал? И отдал туда сына? Он же мог выбрать какое угодно другое чужое владение.

– Он отдал сына, чтобы тот был хоть немного ближе к нему. Призрачная, неестественная связь, но все-таки связь, – пояснил Игнатий Христофорович, глядя на Амалию в упор. – А что касается заключенного Романа Драгутина, то очень даже может быть, что не знал. Имя-то ему сменили на иное! В одном Гортензий прав – владение Агностика находится в полном информативном запустении. Мало ли что там у него! Вернее, мало ли кто там живет? Если бы не сын, так он бы и не появился во вверенном его попечению поселке до конца дней своих, и «пропади он пропадом!», как ты выражаешься, моя милая. Паламид Оберштейн ненавидит Вольер. И всегда ненавидел. А теперь будет ненавидеть еще сильнее из-за Нафанаила. Будто бы Вольер нарочно отнял у него ребенка. Он и владение-то принял больше в память о Светлане! Все это мне понятно, хотя и неприятно чертовски. Поэтому я Паламида плохо переношу. Этическая неуравновешенность – еще полбеды. Настоящие беды – они впереди!

Неожиданно Гортензий сел на полу, по-турецки скрестив обе ноги, взгляд он имел обиженный и целеустремленный.

– Дамы и господа! – начал он звеняще и строго, но не удержался от привычной веселости, сострил: – То есть дама и господин! Не угодно ли кому-нибудь просветить меня насчет этого Романа, иначе я скончаюсь на месте от сенсорного голодания. Что это за персонаж роковой

такой? И как он умудрился «заслужить» в кавычках столь редкостную «привилегию» опять же в кавычках, как лишение памяти личности?

Амалия и Игнатий Христофорович украдкой переглянулись, но и только.

– Я настаиваю, – произнес Гортензий уже серьезно. Длинный нос его вздернулся прегордо вверх. – Я не мальчишка какой-то. И право, думаю, имею. Позвольте напомнить также, уважаемый Игнатий Христофорович, что я, как и вы, состою во владении поселком. Не самый он, может, и проблемный, и без заключенных лишенцев. Но мой «Барвинок» заслуженно считается в общем рейтинге образцовым. А за вами, милейшая Амалия Павловна, и вовсе никакого владения не числится.

Жесткий, сухой кулак Игнатия Христофоровича с силой опустил на локтевую магнитную подушку, кресло при этом издало жалобный электрический треск.

– Довольно! – прикрикнул он на Гортензия. – Вы и есть мальчишка! Со своим «Барвинком» возитесь на досуге потому, что у вас счастливое детство еще не отыграло. А здесь и сейчас речь идет о страшных непростых вещах! Слава богу, что досуг у вас весьма редко случается, иначе нагородили бы вы огородов! Давно хотел вам сказать, кстати, – уже куда спокойней продолжил свою речь Игнатий Христофорович, – прекратите вы ваше благоблудие. Насильно никого в рай не тянут. А если бы было так, то, простите за банальность, и самого Вольера бы не было.

– Все же могу ли я узнать? – нахмурившись от выволочки, опять повторил свой вопрос Гортензий, указательный его палец с лиловым ногтем многозначительно нацелился на Игнатия Христофоровича. – Я не настаиваю на подробностях. Хотя бы в общих чертах. Вы ждете от меня участия в принятии решения, но я не могу этого сделать, пока не получу удовлетворительных разъяснений.

Амалия, теперь спокойная как речная заводь в светлый безветренный день, села на козетке, подобрала ночные свои косы и плавно начала, обращаясь сперва к Игнатию Христофоровичу:

– Конечно, требование Гортензия по-своему справедливо, – и потом уже, повернувшись в сторону молодого человека: – Лучше я вам расскажу, чем Игнаша. Его эта история выводит из себя. Хотя рассказывать-то особенно нечего.

И вправду. Что она могла рассказать ему? Такого, что передало бы крошечные дрожь и ужас тех немногих дней, когда шло обсуждение и голосование, и последовавшее за тем осуждение. Хотя нет. Дрожь и ужас случились раньше. Когда узнали и особенно когда поняли, что именно они узнали. Для сегодняшних молодых здесь, может, и нет ничего чересчур выдающегося, никакого подвига, который потребовалось от каждого совершить. От каждого, кто тогда имел причастность к этому неопишуемому и вроде бы приватному делу. И не в момент вынесения приговора. Подвиг был в том, чтобы посметь поверить. Чтобы взглянуть всей правде в глаза, не отмахнуться и не спрятаться за убийственным снисходительным всепрощением.

Игнаша был там и Карлуша тоже. И мать Светланы, покойная или ушедшая неизвестно в какие пространства, – всегда она, Амалия, смотрела на эту женщину с восхищением. Невзирая на то, что близко приятельствовала с ее дочерью. Но уж Юлия Сергеевна Аграновская, даже при столь пристальном дружественном, почти каждодневном рассмотрении ничуть не утрачивала своей величественности. Она тогда же заставила ее и дочь свою Светлану принять участие в голосовании по делу Романа Драгутина. Видит бог, как ей, Амалии, этого не хотелось! Но Юлия сказала, они много потеряют для самих себя, и обе девушки поверили ей, и когда просмотрели внимательно с ее подсказки все доступные немногочисленные документы того дела, то осознали. Старшая Аграновская была честна с ними, и ни Амалия, ни Светлана об этом не пожалели впоследствии. Будто прошли некую проверку на здравый смысл и жизненную прочность.

А само дело, что ж... Он обитал совсем неподалеку. В одиноком большом старом доме посреди полей, скорее, поместье – называлось оно «Кулеврина», – был плохо уживчив, у него, кажется, имелась родня в Варшаве. Он почти ни с кем не общался, и к слову сказать, редко кто настаивал на общении с ним. Этот Ромен Драгутин обладал нелюдимым нравом и не самым лучшим воспитанием. Но никогда и речи не шло, что он не годится для Нового Мира и ему, дескать, лучше выйдет перейти на поселение в Вольер. К последнему он вовсе не имел ни малейшего отношения. Владения за ним ни единого не числилось, да он и не напрашивался, хотя и проживал рядом – кажется, «Веселые цикады» называлось. А может, она и путает. Зато интеллект у него был – будь здоров! Проектировщики моделей «сервов», тогда еще полимерных слуг человеческих, даже с дальних космических станций прибывали по Коридору поглядеть. И все они, между прочим, выдающиеся инженеры. Говорят, встречал он их сухо и неприветливо. Уже одно это должно было насторожить. Но не насторожило. А потом случилось то самое.

Однажды Ромен Драгутин пришел в город. Соседний вольный полис Большое Ковно, хотя в те времена не так уж был он и велик. А сказать точнее, не велик совсем. Это теперь разросся, как на дрожжах, когда однажды патеографики, по большей части молодые ребята, первыми выбрали его для своих выставочных залов и студийных помещений. Этакая художественная община получилась, бывать в ней одно удовольствие. Несмотря на то, что порой явственно чувствуешь – им там не до тебя, но ничего, все равно интересно.

Но о Драгутине. Короче говоря, прибыл он в Большое Ковно. Если Амалия все верно помнит, было это зимой. Говорят, тогдашние обитатели еще решили – снегоуборочные «сервы» испытывает. И немало удивились, зачем? Кому он мешает, снег-то? Ведь не Темное Время, когда на природу и ее явления смотрели как на злобную ведьму в окружении чертенят, кою надо заклинать при помощи небо коптящей, неуклюжей техники. Но никто не возразил и слова не сказал против. Надо человеку, значит надо. Вдруг какой в этом гениальный смысл, а они помешают. Даже занятно стало. Что происходит и особенно – что дальше будет.

А дальше было вот что. «Сервы» не столько снег принялись разгребать, но и плавить жилые дома один за другим. Целая свора их пришла с Драгутиным, да нет, пожалуй, целая армия. И так квартал за кварталом. Пока очухались и сообразили, что к чему, – полгорода как диссипативным протуберанцем слизнуло. Двое погибли, из тех, кто не успел из домов выскочить. Один когерентный филолог, дар божий, замечтался. И еще молоденький оптик по помещениям не смог вовремя выйти из психокинетического погружения.

Потом на оплавленных руинах Ромен Драгутин объявил, что ныне он единовластный повелитель здешних земель, и кто не захочет ему подчиниться, тому будет плохо. Тому его «сервы» покажут, где кузькина мать. И потребовал статую себе в полный рост и еще, чтобы при взаимных приветствиях все кричали «Хайль!» и непременно добавляли его имя. Где Ромен Драгутин этой ерунды набрался, неизвестно. Но так было. И чем закончилось бы, трудно сказать. Если бы...

Собственно, Карлуша первый спохватился. Он в то время совсем молодой парнишка был. Но единственный, кто не растерялся, пока мудрые старцы в панике мазали скипидаром пятки. Пусть Гортензий так и запомнит. Карлуша, он же Карл Розен, их теперешний сосед, милый и неряшливый Карлуша, а сообразительней всех оказался. Большое счастье Большого Ковно, что он тогда в нем жил. И уже тогда наноимпульсными пушками интересовался для медицинских целей, конечно. В общем, навел он свою лучшую пушечку. Как раз на тех «сервов», что ближе всех к Драгутину держались, вроде охраны или личной гвардии. Надеюсь, не надо объяснять, что именно произойдет с полимерными системами при направленном ударе наноимпульсом? Ах, не вполне уверен? Ну, Гортензию при его любознательности не составит большого труда узнать самому. А после Карлуша поступил предельно просто. Взял и стукнул новоявленного владыку обычным стволовым домкратом по дурной башке. То есть, выражаясь интеллигентно,

по теменной части черепа. Сам в руки взял и сам же стукнул. Примитивно, но действенно. Как оказалось. Потом запер в оздоровительной гостинице для неадекватных. Никто, разумеется, Ромена Драгутина лечить не собирался. Назначили общее голосование по средневропейской полосе. И, несмотря на благодушие отдельных личностей, которые не видали своими глазами, что сотворил с Большим Ковно самозванный владыка, приговорили. К чему, Гортензий и так уже в курсе.

– Я вроде как краем уха слышал об этом. И правду говоря, прекрасная вы моя, Амалия Павловна, ни на грош не поверил. Определенно городские легенды. Что возникают фантомно в разных местах в разное время. Сами понимаете, придавать значение или принимать на светлом честном слове мне и в голову не пришло, – Гортензий задумчиво смял жесткокрылые уголки губ, похрустел озабоченно сплетенными пальцами. – Но в чем нынешняя-то опасность? Дела давно минувших дней, не так ли?

Вместо Амалии, несколько утомленной воспоминаниями и вновь возникшими переживаниями, ему ответил Игнатий Христофорович. Он не мешал рассказу и теперь не пытался его никак комментировать, а просто грустный пожилой человек излагал суть своих тревог:

– Голубчик мой, Гортензий. Вы не хуже моего знаете, что лишение памяти личности – это процедура, не связанная с глубоким гипнозом, как при переходе в Вольер. Это совсем не то же самое, что проделали, скажем, с малышом Нафанаилом. Это полное стирание при помощи инъекции псевдопротеина, меняющего структуру вплоть до генетического кода. И производили это стирание на моей памяти лишь дважды. Причем второе применение было целиком экспериментально-добровольным. Никто не знает до конца, насколько это эффективно и к чему в случае чего приведет. Если, не дай-то бог, произойдет внешняя дестабилизация. Но именно это проделал по небрежности наш безответственный сосед. За поселком «Яблочный чиж» нужно установить более пристальное наблюдение, я думаю. Хочет того Агностик или нет. Ему, скорее всего, будет безразлично.

– Что же, это решение. Пока наблюдать, не делая поспешных выводов. А там посмотрим, – поддержала его Амалия.

– Ну, если решение в отсрочке самого решения, то я «за»! – опять пришел в нарядное настроение Гортензий. Он вообще не умел подолгу пребывать в печали. Хотя рассказ Амалии произвел на него впечатление. – А как нынче зовут этого Ромена Драгутина? Излишнее любопытство, но может дать пищу к размышлениям. Как человек с полной утратой памяти личности станет позиционировать себя? Учитывая, что он натворил в прошлой жизни.

– Не помню, дорогуша, – словно бы нехотя отозвалась Амалия. Ей вправду не хотелось припоминать, да и давно это было.

– Если я дорогуша, то неужгодно ли вам провести нынешнюю ночь со мной, опьяненным вашей черно-золотой красой? – игриво всплеснул руками Гортензий, все еще не овладевший до конца контролем над сопроводительной жестикуляцией.

– Вы, молодой человек, нахал! – Амалия будто бы возмущенно запустила в сидящего на полу «молодого человека» и «нахала» туфлей. Но не больно.

Значит, есть шанс. Подумал про себя Гортензий, – иначе ответ был бы вежливо-категорический. Надо написать для нее стихи. Жаль только, что у него не выходят хвалебные оды и любовные сонеты, одно какое-то безобразие вроде скабрёзных шаржей. Ну да ничего. Ради Амалии он на что угодно способен.

– Отправляюсь-ка я восвояси, раз уж в моем присутствии нет более нужды. А вы, прекрасная Амалия Павловна, имейте в виду, ближайшие два дня я проведу дома. Это на всякий случай, если передумаете, – Гортензий протянул ей туфлю. – Что же, до встречи и честь имею. Надеюсь, все будет хорошо.

Он уже направился к выходу, когда его остановил негромкий окрик Игнатия Христофоровича:

– Фавн! Он назвался Фавн! – и на худом, небритом лице его отобразилось некоторое удовольствие от превосходного владения собственной памятью даже на незначительные обстоятельства и факты.

Гортензий кивнул, а что еще оставалось. Действительно, чем это могло помочь? Ну, допустим, Фавн, ну и что. Зря они беспокоятся. Стирание, скорее всего, вышло полным.

Он не успел ступить за пороговый, непрозрачный от темноты барьер, как вдруг на левой стене проявилось и замерцало густо-бирюзовое окошко экстренной связи. А еще спустя какой-то миг в том же окошке возникло перепуганное веснушчатое лицо, обрамленное ярко-рыжими вихрами. Выражение на этом лице уже само по себе сообщало о каком-то приключившемся внезапном несчастье. И принадлежало оно, в смысле лицо, да и выражение тоже, Карлу Розену, Карлуше. Человеку, которого вообще мало что на этом свете могло напугать.

Голая правда и ничего кроме

Не знать, не сметь. Слова разные, а внутри – одно и то же. Тим бы не задумался об этом, если бы не жуткая необходимость. Он и до сих пор не мог умом своим дойти до толкования того, что случилось. Нет, не в прибытии Радетеля было дело. Хотя и оно, конечно. И рука на плече, и небывалый холод. Все это пустяки сущие. А только на следующий день после тех памятных событий пропала Аника. Да-да, пропала. Совсем.

Такое это оказалось горе, что он и понять не сумел так, чтобы сразу – это действительно произошло. Еще вчера была, а теперь нет. В поселке поговаривают, дескать, сбежала, не сказавшись ни отцу, ни матери. В доме родительском, Марта и его жены Хло, и теперь плач стоит. Как же так? Но Тим-то уверен – никуда Аника не сбегала. Куда ей бежать-то, сами посудите? О ВЫХОДЕ на новой границе она знать не знала. А и знала бы, дальше что? Тим и сам-то дальше той окаянной ИНСТРУКЦИИ не продвинулся.

И потом. Никаких просьб Аника цветным шарам не подавала. Ему бы первому сообщила, если бы вдруг захотелось ей на переселение по обмену. Но не могла она захотеть. Зачем? Ведь не сирота. Не семья у нее даже, а полная чаша заботливых родичей. Старший брат ее недавно женился, обзавелся домиком, все чин по чину, с верандой и с красным петухом на крыше, «дровосеки» выстроили ему по соседству. Каждый день в гости на родительский двор, в сестре души не чаял, не говоря уж про мать с отцом. И вообще, какой может быть обмен без их согласия, Аника еще не получила вторую зрелость. А уж что ни Март, ни Хло на то не соглашались и не заикались ни разу – ясно, как день. Вон как убиваются по дочери.

Как же тогда он, Тим? Неужто лукавила она, когда шептала ему на ухо и убегала. Шептала и убегала. Никто, кроме Тима, ей не нужен. И никогда нужен не будет. Вот только чуток они еще подождут и, когда придет разрешение, сразу поженятся. И все в поселке того ждали, давно не секрет. Малыши дразнили даже до стеснения, но все равно было приятно. Как же так? Отец смотрит на него другой уж день жалостливо, будто на кошку, что по неосторожности ногой пнули и забыли. И братишка его, Радетелем данный, тоже смотрит, хотя не понимает до конца, что случилось и почему на Тима так смотреть надобно.

Ну пусть. Пусть и лукавила. Да разве он, Тим, заставлял? Второй завет он чтит свято. Да и не захотел бы иначе. Раз она не хочет. Выходила бы себе хоть за толстяка Туора, подумаешь, он бы слова не сказал. Даже если бы за красавчика Мика, все равно бы не сказал. Она в других поселках и не знает никого, чтоб сбежать, скажем, по большой любви. Откуда и знать-то? К кому бежать в таком случае? Загадка, и все тут. И загадка страшная. Отец ее, Март, тот прямо с ума спятил, решил, в реке утонула. Да в какой реке, если один из «дровосеков» попроворней завсегда на мостках дежурит, не было такого, чтобы пропустил и спасать не кинулся! В поселке всего-то однажды и вышло ненароком, чтоб прежде срока кто в нижние земли спустился по своей или чужой воле, минуя Дом Отдохновения. Дедуля Леля-«курносика» полез

раз на дерево – понадобилось, вишь ты, заброшенное воронье гнездо, больше от старости да от дурости полез, ну и сверзился с верхней ветки, даже «колдун» его костей не собрал. И то сказать, дряхлый совсем был, ему можно. А Тим видел, собственными глазами видел! Как солнечный свет свят, видел! Март, бедняга, черный лицом, и перед своим «домовым» на колени падал, и перед «дровосеками» в пыли валялся, лишь бы дочку разыскали, живую ли, мертвую ли, но только чтоб отыскали. А толку? Дно обшарили, да не один «дровосек», а все, которые в поселке были. Никого, конечно, не нашли. Тим вместе с Симом и Марийкой каждый чердак, каждый закуток облазили и в Лечебнице тоже. И не было ни единого человека во всем «Яблочном чиже», чтоб на порог их не пустил и не позволил смотреть по дому. Фавн тоже с ними ходил. Не звал его никто, а вот же увязался. За голову свою держался, раскачивался и подвывал тихонько, и то под кровати заглянет, то в умывальню, не было бы Тиму так плохо, рассмеялся бы. Неужто Аника стала бы целый день под чужими кроватями прятаться? Это Фавн от беспомощности, сообразил он потом. Может, из-за тех двух елочек помочь хотел, может, еще почему. Вдруг и вину заглаживал, еще свежо в памяти, небось, его «зашибу, не то!». Только Тим не в обиде, скорее Фавна даже жалко. Однако помощи от него не вышло нисколько, старик сам это понял, оттого и глумился, и завывал, но Тим ему все равно благодарен за участие, за то, что ходил следом. Пусть и не его это дело. Кто ему Аника? И на что ему Тим?

Прикидывал еще и вспоминал. Может, чем обидел ее днем раньше? Или наболтал чего не надо? Да куда там! С оранжевого часа только и знали оба, что с мальчиком Нилом возиться. Как оно было? Показали мальчонке старую детскую комнату Тима – понравилась. Хотя и сказал, мол, видел похожее и даже куда лучше. Но и у Тима хорошо. Воспитанный братишка, молодец. Значит, память ему не совсем отшибло. А может, он просто не желал припоминать. Старики говорят, такое бывает. Если родители, скажем, захотели воли вольной отдельно друг от друга, да и подались в разные стороны по обмену. Ребятенка тогда чаще всего Радетель отдает на иное поселение. Чтоб не маялся сердцем и не думал, будто его бросили, и не страдал зря. А так как бы в чужом поселке он – отдельный человечек и сам по себе. По достоинству. И с именем не все так страшно оказалось. Он опять сам спросил Нила, чуть попозже, когда тот уже лопался от «нянькиных» пирогов. Ну уж она и расстаралась, выдала в окошко и яблочные, и с острой начинкой, и вкуснейшие с жженкой! Гости, поди, встречала, старая, вредная железяка! У «нянек» не положено обедаться, за этим они зорко следят. Хотя толстяк Туор чуть не с рождения сидит на одних постных грибах с луком, а все равно жир прет из него, будто кто воздухом накачивает изнутри. Ну вот, спросил он Нила:

– Как это ты не помнишь своего имени? И почему тебе Радетель его дал?

– Ничего он не давал, – говорит, а у самого рот набит.

И рассказал. Имя было как имя. Только длинное и запоминать его трудно. Да и нечасто вроде называли. Вроде жил он один в пустом доме, и вроде это тоже был поселок, но других домов в нем стояло мало. Может, один или два всего. Это он приврал, конечно, для красоты. Где это видано, чтоб добропорядочный поселок был из одного дома, тем более пустого? А теперь, как сюда попал, то пусть лучше зовут его Нил. Очень похоже на его прежнее имя, но покороче, ему нравится. Тим еще стал сокрушаться про себя, что же это за родичи такие неумные, зачем малыцу заковыристое прозвище дали? Видно, совсем не нужен был. Ну ничего. Зато теперь у него славный братишка есть. Нил, так Нил, имя хорошее. Хвала Радетелю, что исправил неправильное.

Потом, когда пироги все съели, повели мальчугана в Зал Картин, значит, на крошку Мод смотреть. Тим смотрел тоже. Оттого, что Аника попросила. Иначе стал бы он! Но за компанию улыбался снисходительно в положенных местах. Ей приятно было, он же видел. Девушкам вообще приятно парнями командовать, если те захотят, конечно, – это уж их дело, слушать или не слушать подружек. Тим обычно слушал. Так что незачем Анике бы обижаться. После, когда история кончилась, еще катались на реке. Затем много чего делали, он уж не упомнит.

В основном Тим на соседские расспросы отвечал, вежливые, будто невзначай: как это было, когда Радетель руку на плечо. Страшно или приятно. Надоело даже. Но и людей понять можно, в кои-то веки живой бог к человеку снизошел. Поэтому отстанут не скоро, с тем и смирился. Главное, мальчик Нил тем временем перезнакомился с соседской малышкой, дальше бегал сам по себе, на Тима и Анику не обращал внимания, известно, у ребятишек свои забавы. До самого ужина бегал. А Тим с приятелями играл в стукалочку до темноты, забрал у Мика изрядный кон, Аника в ладоши хлопала, так сильно радовалась. В синий час все разошлись по домам. Больше ничего, стоящего внимания, не произошло. До утра. Пока не сделалось известным, что Аника пропала.

И вот теперь, к позднему вечеру второго дня, что уже минул с ее исчезновения, под душу рвущий вой Марта и его жены Тим озарился мыслью. Смятенный поселок волновался, не спал, свет горел в окнах, «домовые», будто бы растерянные, сновали по лестницам вверх и вниз, то наблюдая за спящими детишками, то крутились бестолково под ногами, разливали по стаканам имбирную шипучку, которую никто не пил и не просил. В столовой их собственного дома, за той же нетронутой шипучкой сидели отец и тетушка Зо, молча держались за руки. Уже давно шел черный час, но никто не ложился.

Да и мысль пришла к Тиму не сразу. Сначала и он сидел, молчал, слушал стоны, доносившиеся с Мартова двора, глядел и надеялся, вот, может, теперь-то надумают они пожениться, отец и тетушка. Хорошо бы. Зо давно вдовее, вместо ее муженька, вялого и смутного, ко всему на свете равнодушного увальня (И как он снялся-то с места? Наплел, будто страсть хочется побродяжничать, да разве не во всех поселках одно и то же?), как раз и прибыл по обмену Яго. Но тетушка его не заинтересовала, да и стара для него. А вот отец в самый раз. Жаль только все никак он не мог опомниться с той поры, как ушла мать Тима. Сказала, что устала. «Колдун» все ее лечил, лечил, наверное, решила – хватит и ушла. В Дом Отдохновения. По своей воле. И больше не вернулась, это понятно.

Стало быть, глядел он на них. На отца и на тетушку Зо. И как молния сквозь беспросветную, черную тучу этого часа полыхнула мысль. И гром раскатами прокатился, словно по всей голове, от уха до уха. Словно мысль эту он сам в своем уме и произнес во весь голос. Даже оглушило его на мгновение. Искать Анику надо не здесь. А там. Где это «там», стоит ли объяснять? Как он будет искать, куда пойдет, Тим старался не думать. Потому что не знал. А не знать, это – то же самое, что не сметь. Это он понял, наверное. Если думать о том, чего ты не знаешь, то ничего и не сделаешь. А не сделаешь, то Аники рядом не будет, скорее всего, никогда. С чего бы начать, вот вопрос? Внутреннее, не высказываемое ощущение велело ему начинать с ИНСТРУКЦИИ. Разум возражал. Он, разум, вещал иное – сейчас ночь, самое время, в воздухе полно разноцветных шаров, пойдешь, попроси один из них, а хоть бы и все сразу, дойдет до Радетеля, он поможет. Только родичи Аники и без него, наверное, попросили, не безумные же они, чтобы упускать такую возможность? И с чего бы его моления принял Радетель ближе к сердцу, если оно у него вообще есть, чем плач ее матери с отцом? Но разум продолжал уговаривать – напхни ему, богу живому, как вышел ты к мальчику Нилу, вдруг и отзовется, он милостив. Ибо так гласит закон. Слушайся и почитай, и будет счастье. По разуму все выходило так. Так, да не так – отвечало чувство, которому нет названия.

А почему? Потому. Тим уловил, что именно пыталось сообщить ему через препоны сознания это безымянное чувство. Рука. Все дело именно в руке, что опустил Радетель ему на плечо. Хочешь, обманывайся и не смей, а хочешь, признай и, убоявшись, иди дальше. Вольному воля. Вот это самый поворотный миг и есть. Это он понял тоже. И сказал опять сам себе. Рука была плохая. Злая рука. Не может у живого и милостивого бога быть такой руки. Чтобы все тепло из тебя сосала, хлад и тоску отдавая взамен. Что-то от нижней половины земли, которая для мертвых, было в этой руке. От вечного сна и от преждевременного ухода, от безвозвратности и от того, против чего и писан завет. Может, то не Радетель снизошел вовсе, а

морок, какой случается в туманный вечер, может... ох свет ты мой!!! Если Радетели от чего-то хранят мир и без них иначе все в этом мире станет плохо, значит, есть некто такой, кто желает этому миру несчастья, как и всем, живущим в нем! Иначе зачем оберегать-то, да и от кого? Помилуй нас всех судьба, если правда! И как он, Тим, раньше не догадался? Оттого и не догадался, что прежде все шло хорошо. Незачем ему было догадываться-то.

Как первый библейский человек, в первый же раз столкнувшийся лицом к лицу со злом, еще не узнавший до конца, что это именно зло, Тим на некоторое время растерялся. И усомнился. Полно, да все ли так на самом деле? Очень хотелось, чтобы все было не так. И очень не хотелось знать. Не хотелось знать, как бывает иначе. Не знать и не сметь, слова разные – а все же одинаковые. Усомниться, значит – «сим победиши», но Тим до этого пока не дозрел, куда там! Его собственное знамя, небесный лабарум, еще не было соткано, даже крестonosный образ его еще не был явлен ни во сне, ни наяву. Полководец без войска, шаткий в вере, не видевший врага своего без забрала, лишь знающий твердо – враг его есть, но где он, неизвестно. Все это отступало на второй план, неважно – главное цель. Тогда можно и без войска. Где-то когда-то союзники найдутся, и нельзя сказать наперед: держи с ними ухо остро. Да и знамя – дело наживное, сгодится любая тряпка, лишь бы под ним удалось идти вперед.

Ночь прошла спокойно. Отец и тетушка Зо так и задремали за столом – выдохшаяся шипучка в стаканах, головы на скрещенных руках, мерное сопение, увядший от усилий «домовой» в углу, бедняга. Но Тиму нужен был здоровый сон в ожидании завтра. Ой как нужен! Потому он поднялся наверх, только бы в свою кровать. Думал, черта с два (ох, нельзя так ругаться, опять же почему нельзя и что значит «черт!»?) хоть на половинку часа сомкнет глаза. Ан нет, не так оно вышло. Едва коснулся головой подушки, едва успел подумать под «мышинный писк» – когда решение принято, то и беспокоиться незачем, едва успел удивиться – надо же, какая ясность теперь в нем, как уже и заснул. До самого раннего, голубого, воробыного часа.

Утренний «Яблочный чиж» ничем не отличался от себя обычного. Но это лишь казалось поначалу. Тим вышел на крылечко, дожидаясь завтрака, – ни отца, ни тетушки Зо уже не было в доме, но мало ли куда им вздумалось пойти? К тому же Марту, например. С сочувствием или с помощью, хотя чем они-то могли помочь? Единственный, кто мог, как раз спокойно теперь стоял на крылечке, не торопился никуда, потому что спешка не была ныне подспорьем – он, Тим, должен действовать постепенно. Как его отец, когда настает время решительного и победного удара в городках-перевертышах: сначала прицелиться тщательно, потом отвести локоть, прищуриться в последний раз, проверяя, и вот – взмах, свист крутящейся биты, рассекающей воздух, и разлетается сложенная фигурка, переворачивается, чтобы собраться заново в иную, такую же стройную и красивую.

Все же, несмотря на тишь да гладь, поселок не был похож на себя. Будто бы он тоже шептал на ухо Тиму: «Ты не обращай внимания на мой привычный и благостный лик. А загляни внутрь меня. Тогда ты увидишь – долго еще не буду я таким, как прежде. Даже если неизменными останутся мои дома и залы, и колокольни, и соборные площади, нынешние, прошлые и грядущие. Все равно это лишь их внешнее лицо. Суть же изменилась. Потому что во мне поселился страх. Перед тем, что нельзя объяснить, перед тем, что нельзя поправить. Потому что исчез закон. Тронешь краеугольный камень – рухнет все здание. Потому что меня больше нет. Ты видишь перед собой лишь призрак. Я больше не „Яблочный чиж“, а кто-то другой. И так будет, пока не вернется мой мир и мой порядок вещей».

– Пока не вернется Аника, – сказал он вслух, но услышать Тима было некому.

Тим не просто должен вернуть ее. Он будет обязан рассказать, что произошло, как и почему. Даже если не захотят ему верить. Потому что иначе поселок не излечить. Отныне он – «колдун», сам себя назначил, ведь кроме него, выходит, некому. На Радетеля надежды мало. Тиму сделалось вдруг очень плохо. Не от страха, нет. Он уже знал и смел, и оттого для страха

не было места. Но он остался в этом мире один, как та самая луна-бродяга, и не имелось у него отныне ни дома, ни семьи, ни покоя, ни веры. Все это он должен теперь создать для себя заново. Из чего? Да уж из чего придется. Кто знает, что встретится ему по дороге? Может, он и погибнет на ней. По своей воле – и на нижнюю сторону земли, в сонное царство мертвых, где душа его будет грезить вечно. Он не хотел. Но что делать? Оставаться, как есть, он хотел еще меньше.

Проснулся Нил, «домовой» с ласковой укоризной тащил его мыться, мальчик упирался, но не слишком сильно, скорее, ему было весело. Тим улыбнулся и погрозил ему с веранды пальцем – мол, слушайся и не капризничай чересчур. Тот состроил в ответ рожицу, но все же дал увлечь себя в умывальную.

Завтракали они вдвоем, отец так и не вернулся, наверное, застрял где-нибудь в гостях. Потом сразу же, как набил перемазанный рот остатками персикового варенья, братишка стал проситься на улицу играть. Тим, конечно, разрешил – погода чудная, чего же сидеть дома?

– Вот только погоди немного, и пойдем вместе, – попросил он мальчика. Хоть в этом радость, прогуляться по поселку, держа Нила за руку, может, никогда больше, а? Защемило сердце. Ну ничего, Нил вполне и без него обойдется.

Пока братишка играл в догонялки с «домовым», вернее сказать, мешал тому собирать со стола остатки завтрака, Тим поднялся к себе наверх. Он не представлял еще, что именно возьмет с собой в путь, но про одну вещь знал точно, и без нее было не обойтись. И приготовить ее нужно заранее, а лучше весь день с ней не расставаться. Мало ли что? Из дальнего ящика, где хранил старые детские сокровища – засохший жук-рогач, сиреневый коробок с ожерельем из гороховых зерен, смешной человечек из палочек и желудей, – вытащил он сверток из куска занавески (по сей день бедняга «домовой» не догадывается, куда пропала цветастая тряпка со слухового окошка). Сунул под мышку и пошел вниз к Нилу. Братишка все еще с визгом носился за «домовым» и от него, шалил, норовил сесть верхом, соскальзывал с гладкой туши, Тим и сам также забавлялся в детстве, «домовому», чай, не впервой.

– А что это у тебя? – заинтересовался неожиданно мальчик, остановился в беге, указывая на сверток, зажатый под мышкой.

– Сейчас покажу, – Тим присел к столу. Почему бы и нет? Мал, конечно, но вдруг будет ему интересно. Развернул. Не без затаенной гордости. – Сейчас покажу. Что это за штука.

Нил сунул любопытный носишко в сверток, что же там такое? Терпения не хватило дожидаться, пока новоявленный старший брат развернет до конца. И разочарованно отпрянул, и протяжно хрюкнул:

– Хм! Ну-у! Подумаешь! В моем прежнем доме такого добра полно было! Скука жуткая, – и хотел уже бежать дальше за «домовым».

– Постой! Что значит, полно было? – Тиму и в самом деле показалось, будто он не слышал или понял не так.

– Ну, полно – это значит много, – небрежно, сквозь смешинку, отмахнулся Нил и быстро нырнул под стол с нарочно зажатой в руке грязной, пустой чашкой, «домовой» принялся ловить его поочередно за ноги.

– Я знаю, что «полно» значит много. Хочешь сказать, в прежнем доме, где ты жил, было много именно таких штук? – обескураженно спросил Тим, невольно он разглядывал «Азбуку» со всех сторон, будто видел впервые.

– И таких, и других, и каких угодно, – раздался голос из-под стола.

– Это называется «книга», – спокойно и рассудительно произнес Тим, хотя внутри его головы все смешалось в сумбурном безумии. Не может же быть!

– Да, вроде, – нимало не заинтересовавшись, отозвался Нил. Он брыкался, хохотал, «домовой» тащил его наружу, жалобно упрашивая быть молодцом и отдать чашку. – Я же говорю, тоска страшная!

– А ты смотрел, что в них? Хоть один раз? – продолжал выпытывать Тим, но уже сомневался, что это могло помочь.

– Ха, один! Да сколько пальцев на руках, да еще по столько и еще по столько! – довольно и хвастливо выкрикнул мальчик. Он опять одержал верх и лез дальше под стол – «домовой» слишком боялся причинить вред ребенку, чтобы тащить чересчур сильно. – Надоело. И тебе надоест. Кому они нужны. Это же не игрушки, а непонятно что. Ими кидаться удобно, больше и пользы никакой. – Было ясно, что Нилу совсем не хочется обсуждать столь чуждые и скучные ему предметы. И до книги в руках старшего брата ему нет вовсе дела.

– Может, покажешь мне, как нажимать на знаки, чтобы не ошибиться? – Тим и сам знал, как это делать правильно. Но вдруг и упустил нечто, теперь важное особенно.

– Да я не помню, – Нил вылез, наконец, из-под стола, вытирая вспотевший лоб тыльной стороной ладони. – Как их не нажимай, веселья все равно чуть.

На том и покончили. Дальше Тим стал действовать, как собирался. Все должно обстоять будто бы обычно. Будто бы покойный гладкий день в череде сплошь похожих на него, и ничего кроме. Кто его знает, сколько чужих глаз в поселке? Те же летучие шары, например. Хотя теперь светлые часы, спят они, поди, по подземным норам – Тим однажды заглянул в такую. Гладкая, скользкая труба, наподобие огромной «плевалки» для гороха, темная, гулкая, ни зги не видно в ней на расстояние вытянутой руки – а Тим и руку совал от большого ума, хорошо хоть не голову. Откуда тогда в шарах искрящийся свет берется, притом все время разный? Если труба слепая и черная, как мрак земли.

Когда мальчик Нил убежал играть, он остался посреди площади один. Посмотрел вверх, на Колокольню Времени – разноцветные, полукруглые неодинаковые треугольники числом десять, сколько пальцев на обеих руках, – черный и самый большой, тот для ночного сна, и тоненькая, острая стрелка, ослепительно белая, она указывала на половину зеленого часа. Пора. Лучше сейчас, потому что сегодня предстоит много других дел и мыслей тоже. Тим вновь направился к домику Фавна. Ноги будто сами собой шли, точно за несколько дней дорожка эта стала знакомой, что и думать на ней не надо, куда идешь. Как же все это будет? Шаг-другой. Как будет? Еще один шаг. Что-меня-ждет? Что-ждет-меня? Шаг-шаг-шаг.

Хорошо, пускай. Разгадает он эту ИНСТРУКЦИЮ. И выйдет прочь за тонкую линию ярких, красных столбов. А там такое же поле и лес, и река. Он даже не знает, в какую сторону направиться. Это в поселке все знакомо и понятно. Пойдешь налево от площади – попадешь в Лечебницу, пойдешь направо – окажешься перед Залом Картин. У дубовой рощи – Дом Отдохновения. У реки, когда лето, – причал и лодки, а когда зима – каток. Но вот за столбами, там-то что? Если бы не Аника, может, он к этой ИНСТРУКЦИИ и на плевок бы не подошел, ну ее совсем, тем более в крапиву снова лезть! Врет, конечно, рано или поздно подошел бы все равно, иначе опять – не знать и не сметь. Просто раньше срока пришлось. Как же это его, Тима, так угораздило, что мир его вмиг перевернулся? Был он с одной стороны, а стал как бы с другой. Может, он умер уже и попал навечно в нижние земли, и все это ему теперь снится? Ну уж, дудки, не такой он тупой, чтобы сна от яви не отличить!

Насчет того, что тупой, это как раз верно. Куда идти и что там, за столбами? То же самое, пропади оно пропадом! Ведь их «Яблочный чиж» не один на свете. Вон сколько других поселков. В каком-нибудь вдруг и узнает новость об Анике. И в поселках тех есть свой ВЫХОД, а может, и ВХОД, и своя площадь, и своя река, и свое солнце. Вот с последнего и надо начинать. Идти вслед за солнцем. Куда оно уходит, в какую заводь ныряет остудиться и поспать до утра, туда ему, Тиму, и нужно отправиться. Потому что, где заканчивается путь здешнего солнца, там начинается путь другого. И у того, другого солнца, тоже есть свой поселок навряде «Яблочного чижа», это как пить дать. Только ежели дойдет он до чужого селения и там никакой Аники не окажется – про нее даже слухом не слыхивали, то что дальше? Идти в следующий поселок, к следующему солнцу, и так до конца своих дней, что ли, скитаться будто луна-бродяга? Это

если повезет, если не сгинет прежде. О Лжерадетеле лучше и не вспоминать совсем, ну его! Ага, не вспоминать. Ну, как начнет охотиться за Тимом!

Начнет, держи карман шире под горох! Чего ему охотиться, Тим не мышь, а он не кошка. Моментом из облаков громом пришибет, коли пожелает. Если настоящие Радетели это могут, то и поддельные, поди, не отстают. Только с чего бы сразу и пришибать? Именно, что мышкой, мышкой! Этакой серой, малой тварью земной. По кустам, по рощам, по норам. И нет его, Тима. Одно остается ему, что от поселка до поселка путь держать. До неба, чай, высоко, не допрыгнешь. Не кулаком же ему грозить в досаде, что не птица и летать не может.

Но главное, если малец не соврал. Если братишка его ничего не напутал. Есть на этой стороне земли такое место, где полным-полно всяких и всяческих книжек. Тим машинально ощупал, скоро и нервно, пестрый сверток под мышкой. И уж поверьте, он найдет. Пока не кончится земля и все солнца над ней, он будет искать и найдет. Ну сколько на этом утлом, плоском блине может быть местечек, подобных «Яблочному чизу»? Вряд ли так уж много. Это у Радетелей бездонные небеса, а людям столько места ни к чему. Чтоб по земле ползать, вообще много места не надо. Стало быть, если Аника жива (а ты не думай, что по-другому, не думай – иначе, как самому жить?), то разыщет он ее непременно. С книжной помощью или нет, но разыщет. Каждый кусточек облазит, каждую речушку обнюхает, каждый поселок обсмотрит. Не в заоблачную же даль умчали его отраду, да и что там человеку-то делать? И кто умчал? Лжерадетель, что ли? На кой грех ему, сверкающему и безглазому, ледяной нежити бесплотной, живое существо?

Фавн, как всегда, сиднем сидел в своей «качалке», выстрегивал очередное кривобокое несчастье, а может, старое заканчивал? У ног его суетился «домовой», сопел недовольно, подбирал летящую стружку – будто время остановилось, такое у Тима возникло чувство.

– Привет тебе, Фавн, – издали, не заходя на крыльцо, поприветствовал он старика. Уж очень памятно было его «зашибу, не то!», еще и до сих пор. Конечно, вчерашним днем следовал за ними Фавн неотвязно и по доброй воле, не помог ничем особенным, зато старался. Но вдруг ему иное в голову нынче взбрело? Возьмет и запустит в тебя елкой, хорошо, если промахнется. Если нет, тоже не беда, но обидно. И ничего Фавну за то не будет по завету. Не досаждай другому, когда он просит. А Фавн и не просил даже, закричал тогда, чтоб не приближался больше к нему Тим с расспросами. Но и Тим ничего не нарушает, так чтоб особенно. Издали окликнул, захочет – ответится, нет, его дело, обойдемся. К Фавну он пришел, скорее, для очистки совести, чем от нужды, и без того решение его неизменно. Разве выйдет какое подспорье, а не выйдет, что же, свои силы и своя голова на плечах есть.

– Привет и тебе, Тим, – мирно и на удивление покорно ответил на его зов старый Фавн, серебристые глаза его смотрели устало. Будто бы смирился он с присутствием Тима подле него, и лень отмахиваться даже, как от назойливой сонной осенней мухи. – Милости прошу, поднимайся ко мне, да и садись, коли охота есть, – пригласил он Тима. Сощурился на елку, обглядел корявину со всех боков, поцокал языком. Словно бы Тим ту елку просил, а он, Фавн, нарочно для него делал и теперь решил – не годится, просителю нужно обождать еще, пока он закончит и красоту наведет.

Посидели какое-то время в молчании. Фавн, тот все стругал свою елку, ох и безобразно у него выходило! Тим притих больше от смущения. Книжку переложил на коленки, но развернуть пока опасался. Мало ли что? Может, старик совсем спятил на склоне лет и впрямь кидаться начнет?

– Как пропала моя Аника, так и с концами. Что вчера искали, не нашли. Что сегодня, тоже не объявилась, – наконец произнес он, потому что, о чем же еще говорить. Да и Фавн, добровольный участник поисков, все это и без него ведал. Тим вздохнул скорбно: – Она была моя девушка. Мы жениться хотели. Теперь уж не знаю, как.

– Это верно, что не знаешь. Жениться одному трудно. Для этого дела двое надобны, – ухмыльнулся Фавн, но как бы про себя.

Издевается он, что ли, старый черт? Ругнулся Тим, едва сдержавшись, чтоб не вслух. Вчера еще бродил по поселку, да подвывал, да за голову хватался, а нынче глумиться вздумал? Но вдруг и сдуру ляпнул, тогда ладно. Хотя неаккуратные слова Фавна больно его уязвили против воли. С другой стороны, кто и когда особо сочувствовал старику, чтобы требовать теперь от него того же в ответ? Конечно, может, Фавн и сам не хотел, чтоб жалели его, и сам виноват, что одинок, никто ведь не заставлял. Но все равно он в своем праве.

– Вот, задумал я пойти поглядеть потихоньку. Что это за такая ИНСТРУКЦИЯ, – осторожно начал Тим (уж научился за эти дни осторожности, откуда что и взялось, сам диву давался). – Как думаешь, стоит?

– Отчего же не поглядеть, если охота есть, – безучастным, тусклым голосом отозвался Фавн. (Он-то, Тим, боялся и неспроста, будто старик опять грозить зачнет или еще какую пакость выкинет! Стало быть, зря!)

– А ты сам-то, может, знаешь, долго ли ту ИНСТРУКЦИЮ разбирать придется? Нет ли способа какого, чтоб сразу до самой сути добраться?

– Не знаю, – равнодушно ответил Фавн, все елочку стругал – когда тут отвлекаться по пустякам? Но словно бы вдруг и вежливость проявить захотел, все же одному не сахар. Наверное, прикинул: Тим ничего себе, пусть заходит время от времени, а для этого надо любезность показать. В общем, спросил: – Что это у тебя, в свертке? – и голос его дрогнул надеждой.

Думал он, одержимый и старый, будто ему чурочку-деревяшечку какую в дар принесли – решил Тим про себя. А надо бы. Эх, чего ему было раньше-то сообразить! Развернул край от занавески, что с окошка слухового тетушки Зо. Показал.

– Вот, Фавн, гляди. Эта такая штука занятная. Чтоб знаки в слова собирать, и потом они о разных предметах говорить тебе будут, – попытался Тим, насколько мог доступно, объяснить суть «Азбуки» старику. Вышло не так, чтобы очень ясно, но уж как вышло. – Это называется чтением. Ну, когда рисованные знаки собираешь. Ты читать-то умеешь?

– Не-а, – мотнул седой головой старик. Реденькие волосы его растрепались от легкого движения, как одуванчиковый пух, придав его облику несколько дураковатый вид. Хотя, куда уж больше?

И чего это он, Тим, с глупостями полез? Да разве и не глупость? Ну откуда Фавну знать, как знаки в слова собираются? По правде говоря, на это лишь надежда и была. Странное старик выкликал порой и странное делал. Мало ли что? Но, скорее, с ним бродяга заговорит с небес человеческим голосом, чем старый Фавн знаки разбирать выучится.

Однако книжку он взял, даже елочку свою отложил – дал подержать «домовому» вместе с инструментом. Еще погрозил, дескать, не вздумай на щепки истребить и выбросить, видно, случаи уж были. Что же, и «домового» понять можно: ежели, что ни день, так в доме, его попечению вверенном, полный елочный кавардак творится.

Тим подсел к старику и, неизвестно зачем, стал показывать ему разные картинки в книжке и знаки к ним. Переключал символы в нужном порядке внизу прозрачной коробки, вроде как забавлял Фавна, да чего уж греха таить, и себя тоже.

– Это, стало быть, яблоко. А вот это мальчик ест яблоко. А здесь – девочка и у нее кукла. А это рядом, я не знаю что, – Тим указал на блестящий, парящий перед ними здоровенный предмет: будто вытянутая дождевая капля на самом кончике березовой ветки, когда ей вот-вот падать вниз. По поверхности предмета скользили переливчатые струи. К нему то и дело подходили крохотные человечки, нажимали разные знаки и торопливо исчезали внутри. – Видишь надпись: «Режимный Коридор». Неделию бился, насили прочел – слово-то какое, будто кто камни ворочает. Некрасиво. Однако одолел-таки его! Но вот что значит, ума не приложу. Сказано для перемещений. А каких и куда? Может, всего-навсего такая дверь.

Фавн только кивнул. Долго разглядывал картинку, тыкал сквозь нее истонченным почти до прозрачности пальцем, но ничего так и не сказал. Судя по всему, интересовали его больше рисунки, а знаки, шедшие понизу, не привлекали вообще нисколько. Ну что же, пусть тешится. Все одно – скоро им прощаться, Тим как решил, так и уйдет – напоследок хоть старик порадуется. Тим показал ему серого гуся, из тех, что по весне порой залетали в поселок, а к осени снимались с гнезд и устремлялись неведомо куда. Наверное, в другое селение, чтоб никому не было обидно. Потом показал красноперого, огненного петуха, каких можно встретить у реки на равнине, если переплыть непременно на высокий берег и дальше идти к границе. Пробовали их приручать, да не вышло. Уж очень бедовые. А еще показал самую заветную, последнюю в «Азбуке» картинку – голубовато-зеленый шар, словно бы покрытый сеткой и коричневыми пятнами, как от древесной плесени. Шар непрестанно вращался, внизу вспыхивала надпись «Океаны и континенты», очень сложная и загадочная. Сколько Тим на нее разных цветных часов убил, не выговорить! Главное, больше никаких разъяснений. Тут даже особый помощник-кружок бесполезен оказался. Всего-то и добился от него Тим – «Первая школа. Геокурс»??? Ну, хоть лопни с досады! Ум за разум зашел, а только отроду не слыхал он таких слов!

Но у Фавна шар этот любопытства не вызвал совсем никакого. Что ж, надо чего попроще.

– А это елка. Как у нас на Рождество Мира «домовые» наряжают по дворам. Однако эта – вишь ты, в доме растет – и как ее туда запихнули? Странно, правда? – он нажал еще раз на треугольник внизу, картинка оживилась, задвигалась, потек хоровод ребятишек вокруг лесной, разлапистой красавицы. – Ты гляди, какие игрушки-то на ней? Ты видал разве подобное? На макушке – звездочка, под ней – малышня с крыльями, и крылья те хлопают. Сами голенькие, кудри золоченые. Называются ангелы... У нас они не водятся. А вот это дядька в красном халате и с бородой. Все время палкой машет – называется посох. А сам дядька – Морозный Дед... У нас, в «Яблочном чиже», понятное дело, ничего такого не бывает. Хотя и свои ряженые, конечно, не хуже. Может, это в каком другом поселке так-то ходят, – продолжал Тим объяснения, и столь увлекся картинкой с нарядной елкой и хороводом, что не заметил поначалу – Фавн его уже не слушает.

А когда заметил – жутковато ему сделалось. Старик неотрывно смотрел на картинку. Неподвижные глаза его блистали серебром, словно строгие отблески пробивающегося света на нетронutom снегу ранним зимним утром. Тонкие бескровные губы кривились, как от внезапных приступов боли. Будто наступил случайно на что-то острое. Неужто, опять вести его к «колдуну», подумал Тим. Но тут Фавн перестал таращиться на елку и хоровод и поднял взор свой, на удивление ясный, и так глянул на Тима, что аж душа в пятки. Есть одна поговорка, Тим сам слышал однажды от Яго, еще не поверил – как это душа в пятки. И очень просто. Старик смотрел на него именно так. Как... Как будто... Радетель бы мог таково-то сверкать глазами, если бы представить, что они у него есть. Тим потихоньку свернул свою книжку.

– Елка. Это елка на Христово Рождество. А мой отец представлял святого Николая, – сказал Фавн, и вроде не он это говорил, а другой человек его устами и за него.

Тиму стало вдруг в полную меру страшно. Не в шутку, когда дух сладко захватывает, а по-настоящему. Конечно, не оттого, что старик мог начать кидаться в него елками. Он и сам объяснить не в состоянии был, почему. Страшно, и все.

– Пойду я. Пора мне, – он снова обернул «Азбуку» в оторванный край занавески. Раньше не замечал, а теперь вот рассмотрел – на тряпице-то все бабочки, махонькие, желтенькие, с цветка на цветок. Красивая была занавеска. К чему бы теперь?

– Когда ты хочешь читать инструкцию? – твердым, непохожим на прежний голосом спросил его старик. И как правильно спросил-то!

– Наверное, сегодня. Как смеркаться станет. По синему часу, – честно признался ему Тим. Не посмел соврать, отчего, и сам не знал? А ведь опасность в том была. Ну как Фавн

сообщит летучим шарам? Нет, не успеть ему. Да и нарушения закона нет. Ха! Да сам-то закон есть ли нынче?

– Хорошо. Это хорошо, – только и ответил. И рукой костлявой, но властной указал – мол, иди, куда хотел.

И Тим пошел. Он из всего произошедшего с елкой и с книжкой понял только одно – случилось нечто. Очень важное и серьезное. И в первую очередь не для него – для старого Фавна. Но что именно, он не знал и не мог угадать наперед. На Колокольне пробили красный час – час молитвы Радетелю. Почему именно красный? Так уж принято.

Между Собакой и Волком

На новой границе было тихо. И с чего бы громко? Не Соборная площадь, как-никак, а глухая окраина. Близились сумерки. Но Тим пока выжидал, не спешил лезть в крапиву. Хотя теперь коварные, жалящие стрекала ее не представляли опасности – Тим был закутан с головы до пят в полный защитный плащ. Жарко и неудобно страсть как, но что поделаешь! Не столько из-за крапивы даже напялил он на себя это жесткое и неприятное к голому телу одеяние. Тут было своего рода предвидение: как выйдет он за красные столбы (если выйдет, конечно), так и покинет его защита Радетеля. Иначе к чему бы сама граница? Оберегать и опекать – вот ее задача. Значит, всего этого он лишится. Нынче и внутри сделалось небезопасно, Аника-то пропала, а уж снаружи – что и говорить! Однако Тим был готов. При себе, за поясом штанишек, на всякий разный случай нож-саморез и складной аршин для стукалочки. Он не ведал еще такого слова, как «вооружен», но нечто похожее в бравом образе себя самого мелькало в его сознании. За границей в сторону клонящегося солнца – сначала чистое поле, а невдалеке – лес. Поле ладно. Поле – это ничего. Но вот лес! В нем будет плохо видно, тем более ночью: за деревьями от бродяги мало толка, а цветные фонари там навряд ли водятся. Вдруг что выскочит из-за тех деревьев? Или кто? Интересно, Лжерадетель, он кто или что? Скорее всего, что. Все же нежить. А ну как их много? Очень тогда Тиму поможет его нож-саморез. Да и против одного сомнительно. Зато с ножом оно спокойнее.

Батюшки! Тут же подумалось ему. Да в уме ли он, Тим! Неужто и впрямь сможет поднять он руку, чтобы... чтобы что? Убить? Поранить? Остановить? Запугать? Отвратить? Ведь это против завета, первого из трех и наиглавнейшего! Но вот в чем вопрос – ежели на самого Тима надвинется зло и захочет его погубить? Стоять и ждать, пока убивать начнут? Что так, что этак ждет его конец в нынешней жизни. Нет уж, он стоять не будет. Может, в заветах о таком и не сказано, ибо не было нужды прежде. Но стоять он не будет. Хоть молния, хоть гром, пусть испепелят до костей, но он станет защищаться. Ножом или аршином, уж как выйдет. Это верно. Он поправил суму, висевшую наискосок через плечо, похлопал по раздутому боку, будто приободрял и себя, и вещи, взятые в поход. «Азбука», родная и заветная, при нем, а еще: пятачок пирожков с повидлом – за ужином утаил от «домового», коробка с сокровищами – засушенный жук-рогач, и желудевый человечек, и гороховое ожерелье, пара запасных сапожек – мягких и тонких, но прочных что твое железо, ногами-то ходить придется много. Больше ничего в дальний путь взять с собой не захотел. Ни к чему лишняя обуза. Прокормиться можно и в других поселках, а в лесу бывают по случаю орехи и ягоды. По крайней мере, в дубовой роще у Дома Отдохновения бывают желуди, так чем же лес хуже! А дальше сил загадывать у него не было.

С Колокольни Времени прозвенел о себе синий час. Вот и пришла пора. Сумерки стали достаточно густы, чтобы проявился ВЫХОД. Тим стиснул зубы, зажмурился – так бросался он с мостков в прохладную реку, когда из жары да сразу в воду, ох студено! Шагнул вперед. Ша-ша-ша-ша. Хватит, наверное, и открыл глаза. Будто угадал, до столбов – руку протяни, достанешь. И знаки, они тоже тут. Знал уж, что делать дальше. Вытянул ладонь, коснулся робко,

словно бы просил о чем. А так и есть. Просил ВЫХОД, чтоб помог, чтоб дал ему одолеть эту загадочную ИНСТРУКЦИЮ. Не успел про себя помолиться Радетелю, как она уж и вспыхнула, белая, словно пронзенная лучистой луной-бродягой. Что дальше-то делать? Может, слова какие надо произнести? Но это вряд ли. Радетелю он и без того молился, так что это не поможет. Дурень он дурень! Надо ладонь свою приложить опять! Если в первый раз сработало, отчего бы и вдругорядь не случиться посему? Тим вытянул руку вновь. Пальцы его словно бы гладили сверкающие знаки, уважительно и с нервным трепетом.

ИНСТРУКЦИЯ замигала, вроде и одобрительно, может, хвалила Тима за сообразительность. Потом пропала так же внезапно, как и появилась. А на ее месте... На ее месте вспыхнули знаки иные:

ВАШЕ ИМЯ? – и под ними повисла в воздухе еще целая гирлянда разнообразных знаков, обрамленных строгой, отдельной рамкой приторно-желтого света.

Тим замер в замешательстве. ВАШЕ ИМЯ? Почему ВАШЕ? Он, Тим, здесь один-одинешенек! А если бы было много, так неужто имя одно на всех? Ох, хоть голову сломи! Машинально, вне его желания, губы раскрылись сами собой, из горла вылетело короткое: ТИМ. Никакого ответа. Значит, не так. Ему ни с того ни с сего стало стыдно. Ну соображай же, уважень! Медленней тебя мозгой ворочает разве толстяк Туор! Ну же! Чего от него хотят-то?

Знаки в рамке: А, Б, В, Г... Свет, ты мой! Это же простой список «Азбуки». Вот и не стой, чай, не пограничный столб! Набирай Т...

Нет, нет! Нельзя так! Внутреннее чувство, то самое, которому не было названия, остановило его, как если бы поймало за опрометчивую руку. Что, если? Указательный палец его последовательно вывел: ТРЕФ. Так звали дальнего соседа, жившего по другую сторону от площади, добродушного молчуна, забавно сопевшего носом – трижды он выигрывал конкурс по распитию елочной шипучки, будто и не живот у него был, а настоящая прорва. Стало быть, ТРЕФ. Теперь вроде и поздно на попятный.

ВАША ЗРЕЛОСТЬ?

Этот вопрос Тим прочел влет. Уже вошел во вкус. Да и что тут сложного. Занятно лишь, что вновь к нему обращаются, как принято говорить нескольким людям сразу. Лихо набрал ответ: ВТОРАЯ. А какая же еще? У Трефа-то двое внучат, поди, давно не юнец.

ВАША ЦЕЛЬ?

Рано он радовался. Вот так задачка! Что же ответить-то? Какая у Трефа может быть цель – найти озера шипучки, что ли? Надо сказать про свою. А у него? Поиски Аники – нет, не годится. Тут Радетели спасибо скажут, мол, за старание, но без него обойдутся – сами сыщут, так что вдруг и не пустят. Вопрос, смогут ли найти? До сих пор что-то не вышло! Но это к его делу сейчас не относится. Значит, придется снова врать. Если бы не пропала, положим, Аника, зачем бы он отправился по ту сторону границы? В другой поселок на обмен и поселение? Так это к летучим шарам обращайтесь, милости просим! Нет, тоже не годится. Зачем бы пошел... Ах, свет мой! Ноги его дрожали, по спине то бежали колкие, леденящие сердце мурашки, то, наоборот, бросало от внутреннего жара в обильный пот. Знаки стали тускнеть. Тим на грани испуганного обморока осознал, что сейчас исчезнут совсем. Да сообщи хоть что-нибудь, пока не поздно! Дрожащие пальцы его набрали из азбучных символов:

ХОЧУ ЗНАТЬ И СМЕТЬ.

Слова перестали расплываться, вспыхнули трижды. Исчезли. Чтобы смениться иными:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! И сразу вслед за тем: ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ НОВОЙ ИНСТРУКЦИИ ВСТАНЬТЕ НА УКАЗАННОЕ МЕСТО!

Между тонкими красными столбами образовался дугообразный просвет шириной, может, в несколько шагов. Тим послушно сделал, что велено. Новая ИНСТРУКЦИЯ! Хорошо бы! Наверное, он и прежде все исполнял как надо. В ушах его вдруг зазвучал резкий, но и приятный женский голос. СОБЕРИТЕСЬ. ПРИГОТОВЬТЕСЬ СЛУШАТЬ, КАК ВАМ НАД-

ЛЕЖИТ ПОСТУПИТЬ ДАЛЕЕ. Тим понял так, что это говорила с ним ИНСТРУКЦИЯ. Он подобрался, как молодой кот перед прыжком, даже ступни его вспотели от напряженного внимания. Ну же, ну! Он давно готов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.